

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
Документы и материалы

Выпуск 12

Белгород 2019

ПРИСЦИАН ГРАММАТИК И ЕГО НАСЛЕДИЕ. ПАНЕГИРИК ИМПЕРАТОРУ АНАСТАСИЮ

ББК 63.3 (0) 3
М 15

Ответственный редактор Н.Н. Болгов.

Составители:
Н.Н. Болгов, М.М. Синица.

Публикуется по решению кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ» от 6 ноября 2019 г., протокол № 3, в соответствии с тематическим планом НИР Научного направления БелГУ «Классическая и византийская традиция».

М 15
Присциан Грамматик и его наследие. Панегирик императору Анастасию / Отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2019. – 118 с. / **Мир поздней античности. Документы и материалы.** Выпуск 12.

Публикуется первый в отечественной науке очерк наследия латинского грамматика Присциана, работавшего в Константинополе. Полный перевод его основополагающих грамматических сочинений – дело будущего. Не менее важное значение имеет Панегирик императору Анастасию. Его полный поэтический перевод публикуется впервые.

Сочинение Присциана представляет собой важный исторический источник по эпохе Поздней античности (Postclassical World).

М 15

Присциан Грамматик и его наследие

В VI в. в Константинополе шла серьезная работа по систематизации и завершению оформления многих культурных феноменов. Осознанно или неосознанно, культурные и государственные деятели Византии двигались в том же направлении, что и «последние римляне» на Западе, «упаковывая» накануне Средневековья те или иные знания до лучших времен «на хранение». Отличие заключалось лишь в важной направляющей роли восточно-римского государства и в роли латинского языка в Константинополе как государственного[1] наряду с греческим разговорным и культурным. Возникла парадоксальная ситуация, когда за небольшим исключением (провинция Иллирик), в Ранней Византии латынь осталась языком исключительно государства, армии и права. В этой связи очень показательны не только завершение кодификации римского права (Corpus Juris Civilis), но и итоговая систематизация латинской грамматики, предпринятая Присцианом Цезарейским при императоре Анастасии.

После Сервия и Доната на Западе и Харисия на Востоке (IV в.) Присциан предстает завершителем развития науки о латинском языке в Константинополе[2], в то время, когда он стремительно терял значение живого языка на Западе.

В отечественной науке никто не занимался наследием Присциана Грамматика специально. Из иностранных работ отметим комментарии первых издателей А. Криля, М. Херца, Х. Кайля (XIX в.), отдельные статьи и главы монографий[3]. Специальных книг по грамматическому наследию Присциана в контексте позднеантичной ранневизантийской культуры почти нет.

Присциан происходил из латиноязычной Северной Африки, города Кесария (Цезарея) (б. Иол, совр. Шершел в Алжи-

---

[1] Подробнее см.: *Болгов К.Н.* Латинский сегмент культуры Ранней Византии. Автореф. дисс. … к.и.н. 07.00.03. Белгород, 2013.

[2] *Whitbread L.G.* A note on Priscian the Grammarian // Latomus. 36. 1977. P. 811-812.

[3] Priscien. Transmission et refondation de la grammaire, de l’antiquité aux moderns / Eds. M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz. Brepols Publishers, 2009; *Luhtala, Anneli*. Grammar and philosophy in late Antiquity: a study of Priscian's sources. L., 2005.

ре)[4], столицы бывшей римской провинции Мавритания Цезарейская. Еще при власти вандалов, незадолго до юстинианова отвоевания этого региона[5], грамматик перебрался в Константинополь. Его латинский язык сохранился и в Новом Риме, так как тогда еще в полной мере он оставался языком государства, права, армии, «переехав» вместе с империей на Восток.

Когда Присциан работал в Константинополе, около 500 г., это был уже один из крупнейших городов империи – продолжение Рима, «Новый Рим» как назвал его сам основатель - Константин; и его правители привнесли в город много традиционных римских элементов, однако, многие из их актуальных функций уже изменились.

Фактически, Присциан поставил своей задачей оживление сферы, действие которой неуклонно сокращалось в городе, где он поселился. Степень жизнеспособности латинского языка в Константинополе VI в. достаточно дискуссионна. Мнение Жильбера Дагрона, согласно которому греческий был доминирующим языком культуры, тогда как знание латинского было ограничено чиновниками императорской администрации, и латинский обычно не использовался императорским окружением, было поставлено под сомнение М. Саламоном[6], который утверждает, что латинский не был ограничен администрацией и небольшими общинами выходцев из Италии и Африки, и что интерес к латинской культуре был весьма сильным. Он показывает, что круг аристократов и чиновников, заинтересованных в равной мере греческими и латинскими штудиями, а также в связях с интеллектуалами на западе, концентрировался вокруг Присциана. Он указывает также, что потребность в латыни как языке культуры в значительной мере сохранялась в течение VI века. Однако, такой взгляд представляется преувеличенным. Во всяком случае, Стивен Рансимен[7] установил, что латынь как

---

[4] *Courtois, Charles.* Césarée de Maurétanie // Dictionnaire d'Histoire et de Geographie ecclesiastiques, vol. XII. Paris, 1953. Coll. 203-206.

[5] *Третьякова Н.Е.* К истории первых лет византийской власти в Африке // Вестник СНО БелГУ. Вып. XVII. Белгород: БелГУ, 2013. С. 96-100.

[6] *Salamon M.* Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // Philologus. 123. 1979. S. 96.

[7] *Runciman S.* Byzantine civilization. L., 1933. P. 232.

язык устного общения и повседневных дел администрации окончательно умерла в течение VII столетия, и существовала после этого лишь как язык специального обучения и письменный язык.

Грамматические сочинения Присциана ясно указывают на потребность для учащихся и ведущих чиновников администрации, чьим родным языком был греческий, овладеть латынью и использовать латинский, по крайней мере, на уровне исполнения своих официальных обязанностей. Однако, основная масса населения рождающейся Византии уже говорила по-гречески. Поэтому Присциан писал свои труды, прежде всего, для грекоязычных учеников. Это ясно следует из его постоянных сравнений на двух языках и его регулярного использования греческих примеров, в которых он дает слово с целью облегчить его понимание.

Однако, историческая важность Присциана вряд ли может быть преувеличена. Он причислен к «поздним латинским грамматикам» и был одним из наиболее плодовитых из них. Хотя его основное сочинение не было сразу же оценено в западной, Латинской Европе, во времена Каролингского Ренессанса (IX в.) оно было признано наиболее важной учебной книгой и стала письменным основанием, на котором было построено внушительное здание схоластической теоретической грамматики, так называемой *Modistae* (его трактаты часто озаглавливались «De modis significandi», о типах смыслов, по названию, которое давали грамматическим категориям и грамматическим особенностям латинской грамматики Присциана).

Влияние Присциана на Западе, и как учителя, и как теоретического исследователя, активно ощущалось в течение нескольких столетий (по некоторым мнениям, до тысячи лет), отделяющих рукописи его грамматики, которые, как мы знаем, сохранились, от его времени.

Мало что известно о жизни Присциана. Он родился в Мавретании, но поселился в Константинополе во времена, когда его известные грамматические сочинения еще не были написаны.

Присциан не только писал теоретические труды, но и сам практически преподавал грамматику[8]. Он – один из сравнительно немногих латинских учителей грамматики и писателей в Константинополе ранневизантийской эпохи[9].

Наш герой был учеником грека Евтиха, который впоследствии стал автором нескольких латинских грамматических сочинений[10]. В области грамматических идей Присциан испытал значительное влияние грека Аполлония Дискола (II в.), автора сочинения *Techne grammatike.*[11]

Его основное и наиболее известное сочинение – его Большая латинская грамматика, *Institutiones Grammaticae* (Установления грамматики), которая в современном печатном издании насчитывает около тысячи страниц[12]. Она представляет собой систематическое исследование латинской грамматики.

Сочинение включает Предисловие и XVIII книг, содержание которых изложено в конце Предисловия.

Труд основан на работах всей предшествующей грамматической традиции, исходящей от Геродиана и Аполлония Дискола, но многое взято и у римлян Доната, Проба, Сервия, а также в некоторой степени - Харисия.

В работе отсутствует четкое определение грамматики, но четко ясно, что понимается под грамматикой по структуре и контексту. Здесь грамматик следует первой части *Techne* Аполлония.

---

[8] *Glück M.* Priscians Partitiones und ihre Stellung in der spätantiken Schule. Hildesheim, 1967.

[9] *Kaster R.A.* Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.

[10] Grammatici latini / ed. Heinrich Keil. Lipsiae, 1868. P. 447-489.

[11] Apollonii Dyscoli quae supersunt, vol. 1.2: Apollonii Dyscoli De constructione libri quattuor // Grammatici Graeci 2 / Ed. G. Uhlig. Lipsiae, 1910; The Syntax of Apollonius Dyscolus. Amsterdam, 1981.

[12] Grammatici latini / ed. Heinrich Keil. V. 2. Prisciani Institvtionvm grammaticarvm libri I-XII ex recensione Martini Hertzii Lipsiae, 1855; v. 3. Prisciani Institvtionvm grammaticarvm libri XIII-XVIII ex recensione Martini Hertzii. Prisciani opera minora ex recensione Henrici Keilii. Lipsiae, 1859.

В 16-ти первых книгах разбираются фонетика, словообразование, флективная система языка; последние две посвящены анализу синтаксиса.

После краткого сообщения о произнесении речей и о латинском алфавите Присциан разворачивает изложение словообразовательной и флективной морфологии: существительные (включающие, как тогда было принято, и прилагательные), книги 1-7, с большим акцентом на падежные формы различных склонений; глаголы – книги 8-10; причастия – книга 11; местоимения – книги 12-13. Далее следуют неизменяемые части речи: предлоги – книга 14, наречия и междометия – книга 15; союзы – книга 16.

Заключительные две книги – 17 и 18 – излагают синтаксис и использование частей речи, уже описанные морфологически. В этих последних двух книгах Присциан строит свое описание точно по образцу Аполлония, которого он почитает как величайший авторитет в грамматике и вообще. Некоторые пассажи в тексте Присциана выглядят как очень большие, и даже дословные переводы соответствующих частей из книг Аполлония по синтаксису (почти эксцерпты[13]). Эта зависимость от греческих образцов объясняется типологическим сходством между греческим и латинским языками, и общим ощущением уважения к вопросам образования и искусств в общем цивилизационном наследовании римлян классической Греции. Это впечатление еще больше усиливается цитатой из греческого грамматика Дидима (I в. до н.э.), который утверждал, что латиняне имели в своей грамматике всё, что имели и греки.

Вместе с тем, уже Варрон обращал внимание на то, что латинская шестичленная система контрастирует с пятичленной греческой, с последующим перераспределением синтаксиса и семантических функций между ними. Латинские грамматики указывали на отсутствие определенного артикля в таком виде, в котором он существовал в греческом, функции относительного местоимения, «постпозитивный артикль» в *Techne* к существительному или разрядам местоимения. При этом сохраняется 8

---

[13] *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin – New York, 1993. P. 100-102.

частей речи (из-за отдельного обозначения междометия), подкласс наречий в греческой грамматике как отдельная часть речи.

Для античной грамматики в целом типично, что Присциановы книги по морфологии выглядят более систематизированными, нежели две последние книги – о синтаксисе. *Techne* выглядит в этом отношении более кратко и авторитетно, но это касается лишь орфографической фонологии и морфологии.

Как известно, в синтаксисе существовали некоторые малосущественные стоические признаки, но стоическая доктрина в лингвистике, хотя спорадически и упоминалась некоторыми грамматиками, Присцианом никогда не включалась в традицию греко-римского грамматического образования.

Присциан, конечно, хорошо знал греческий язык и имел корпус Аполлония в своем распоряжении, но синтаксис Аполлония, хотя и сформировал последующую «парадигму» на этом поле, как в греческом, так и в латинском, был гораздо менее развит в классификации современных слов и морфологии. Можно сказать, что он дал лишь предварительный и «обзорный» очерк синтаксиса, скорее систематическое описание, не говоря уже о «толковом». Присциан здесь пошел дальше. Но его обзор синтаксиса обычно характеризуется как не вполне ясный теоретически. Часто он лишь стоит у порога открытий важного синтаксического концепта. Но нельзя здесь возлагать на него некую вину – по большому счету, он был в значительной степени компилятором, но в пределах своих александрийских источников.

Труды Присциана в целом считаются апогеем развития латинской грамматики. Тем не менее, он сам утверждает, что следовал почти в каждом месте авторитету Аполлония Дискола (*Inst.* 13.24.7). Поэтому для правильной оценки места Присциана в истории лингвистической мысли, таким образом, необходимо более подробно выяснить отношения между текстами его и Аполлония.

Недавно А. Шмидхаузер, сосредоточив внимание на книгах 12 и 13, впервые представил список всех мест Аполло-

ния, переведенных или перефразированных Присцианом[14], рассмотрев также один из аспектов более подробно (*Inst.* 13.15.9-28). Затем он проанализировал порядок изложения Присциана и сравнил его со структурой его греческого образца. С выводами исследователя не во всём можно согласиться: хотя ныне принято считать Присциана основополагающим мыслителем, почти полностью автономным от греческой традиции, это не совсем так. Наоборот, не умаляя заслуг латинского грамматика, согласно авторитетному мнению Р. Робинса, Присциан может быть адекватно понят только на фоне грамматики Аполлония.

Поэтому, возможно, было бы справедливо классифицировать Присциана не столько как блестящего первооткрывателя в области лингвистического образования, сколько как весьма осторожного и очень кропотливого толкователя уже существующего знания на своем историческом этапе; он наиболее полно и тщательно изложил состояние грамматики в ранние годы Византийской империи.

Мы можем указать на практику некоторых средневековых грамматиков в отношении *Институций* как главного сочинения Присциана - называть ее в целом - «Большой Присциан», а две последние книги – о синтаксисе - «Малый Присциан». Другие разделения синтаксиса и морфологии, такие как «новая грамматика» и «старая грамматика», в конечном счете, восходят к *Techne*. Эта позиция была продолжена на западе в период деятельности спекулятивных грамматиков, *Modistae*, сделавших синтаксис центральной частью теоретических грамматических исследований, базирующихся на собственной основе и выполняющих (в собственных терминах) задачу краткого изложения и установления теоретических основ структуры предложения.

Описание звукового строя латинского языка в грамматике Присциана сходно с аналогичным описание Доната и в целом основано на греческой грамматической традиции[15]. Некоторые

---

[14] *Schmidhhauser A.U.* Le De pronomine de Priscien et son modèle grec // Priscien: Transmission et réfondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, edd. Turnhout: Brepols, 2009. P. 168–182.

[15] *Luscher A.* De Prisciani studiis Graecis. Breslau, 1911. P. 211.

различия отчасти связаны с разной степенью детализации описания.

Оба автора начинают с классификации звучаний голоса. Донат различает членораздельный голос (***vox articulata***), который может быть записан буквами (иначе членораздельные звуки), и нечленораздельный, неясный (***vox confusa***), который невозможно записать. Присциан предлагает более сложное деление голоса по четырем признакам (повторяя классификацию Дионисия Фракийца): ***vox articulata, inarticulata, literata, illiterata***. Голос членораздельный и одновременно допускающий запись – это осмысленная членораздельная речь; неартикулируемый голос, допускающий запись - это не имеющие смысла звуковые последовательности; неартикулируемый голос, не допускающий буквенной записи – это неречевые звуки, например, мычание.

Буква определяется обоими авторами как минимальная часть артикулируемого голоса (ср. характеристику элемента, § 11), при этом Присциан добавляет, что буква имеет название (***nomen***), форму (***figura***) и силу (***potestas***), то есть звуковое соответствие, повторяя, таким образом, формулировку греческих авторов и Мария Викторина.

Определения гласного звука у Доната и Присциана тоже совпадают и вполне традиционны: это звуки, которые могут быть произнесены сами по себе: ***a e i o u***; оба автора указывают, что буквы ***i, u*** могут быть гласными и согласными; Донат также подчеркивает, что в латыни все гласные могут быть долгими и краткими, а Присциан этого не делает[16], что может расцениваться как отражение процесса выравнивания долготы звучания гласных.

Согласные, по античной традиции, делятся на полугласные и немые. Первые, по Донату, могут произноситься самостоятельно, но не образуют слога, а по Присциану – не имеют полного звука, это согласные *f l m n r s x*; Присциан указывает, что их названия (кроме *x*) начинаются на *e*, а кончаются звучанием самого согласного; *x* при этом представляет собой двойной со-

[16] *Whitbread L.G.* A note on Priscian the Grammarian // Latomus. 36. 1977. P. 811-812.

гласный. Вторые (немые), по Донату, не могут ни образовывать слог, ни произноситься сами по себе. Присциан же указывает, что они названы немыми не потому, что вовсе не имеют звука, а потому, что звучат плохо, слабо, подобно тому, как говорят «*бесформенный*» не о том, что вовсе не имеет формы, а о том, что имеет плохую форму. Это буквы *b c d g h k p q t* (перечислены в алфавитном порядке, как и полугласные). Оба автора отмечают одинаковое звуковое значение букв *c k q* и их употребление в зависимости от следующего гласного. Что же касается *h*, то это иногда согласный, а иногда придыхание.

Присциан сравнивает отношения гласных и согласных с отношениями души и тела: «Ибо душа подвижна сама по себе и движет тело, тело же не может двигаться само и сообщать движение душе, а только движимо душой. Так гласные сами создают слог и влекут за собой согласные…». Однако ни у Доната, ни у Присциана нет последовательных указаний на артикуляцию звуков (подобных тем, какие дал Марий Викторин)[17].

Присциан останавливается на чтении и употреблении отдельных букв и, в частности, объясняет, почему согласные *g d b* названы *«средними» – mediae*: они занимают место между непридыхательными *c t p* и придыхательными *ch th ph*, потому что «они не вовсе лишены придыхания, но и не имеют его в полной мере» – толкование, очевидно, специально придуманное для оправдания термина; истинная фонетическая природа отличия *b d g* от *p t k* еще долго оставалась непонятой. Деление смычных на *mediae* и *tenues* обсуждалось еще в фонетической литературе XIX в.

Присциан уделяет довольно много места «переходам» согласных и гласных друг в друга при словоизменении, то есть, в современных терминах, чередованиям. Определение чередований звуков как их взаимных переходов сохранялось в русских грамматиках вплоть до XX в.

Не вполне одинакова у Доната и Присциана трактовка слога: по Донату, слог может состоять из сочетания звуков или одного гласного; Присциан подчеркивает, что слог – сочетание

---

[17] *Robins R.H.* Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe. London, 1951. P. 126.

букв, произносимых с одним акцентом (ударением) и одним выдохом, хотя в несобственном смысле (*abusive*) слогом называют и один гласный.

Таким образом, Присциан, как и древнегреческие авторы, и Марий Викторин, исходит из этимологии термина: слог должен быть составлен, по крайней мере, из двух элементов.

Присциан и Донат рассматривают правила образования кратких слогов и долгих, соотносимых с двумя краткими; Донат перечисляет все виды стоп классической поэзии, определяемых сочетаниями долгих и кратких слогов; термины, обозначающие некоторые из них, применяются теперь по отношению к стопам современных силлабо-тонических стихов. Присциан рассматривает и звуковой состав слогов, возможные сочетания согласных в начале и в конце слога – в этих замечаниях можно увидеть зародыш исследований по комбинаторике звуков. Донат описывает правила употребления трех видов слогового акцента в зависимости от числа слогов в слове и долготы или краткости гласных.

Наконец, в грамматике Присциана есть небольшой раздел, посвященный членению речи, которая связывается со смысловой завершенностью отрезка текста. Разделение (distinctio) происходит, если мысль закончена (*plena sententia*); подразделение (*subdistinctio*) – в случае, если к уже сказанному необходимо добавить лишь немногое, а среднее разделение (*media distinctio*) бывает, если необходимо добавить столько же, сколько уже было сказано. Позднее по этой модели формулируются правила членения речи и в средневековых латинских грамматиках, построенных на базе грамматики Присциана.

Ориентация на греческую грамматическую систему иногда вводила Присциана в заблуждение, например, когда он усматривал наличие в латыни оптатива, неотличимого от конъюнктива. Там, где греческая схема не подходит, его описание становится бессистемным.

Итак, большая Грамматика Присциана, как уже отмечалось, несмотря на все недостатки, стала основным источником знаний о латинском языке для Европы и европейцев на протя-

жении многих последующих столетий[18]. Этот труд стал нормативным учебником, практически используемым вплоть до XIX в.

Но Присциан также подготовил и **«Малые сочинения»** об отдельных частях грамматики:

- *De figuris numerorum* (О падежах числительных),
- *De metris (fabularum) Terentii* (О стихотворных размерах сочинений Теренция),
- *Praeexercitamenta rhetoricis* (Грамматические предварительные упражнения) в III книгах дают краткое наставление в риторике на основе Гермогена, о различных риторических стилях;
- *Institutio De nomine et pronomine et verbo* (Руководство о существительном, местоимении и глаголе). Краткая версия «Грамматики» Присциана - справочник словообразовательных и флективных форм, использовался как учебник[19];

Partitiones XII versuum Aeneidos principalium (О 12 начальных строках Энеиды) содержит грамматические вопросы о начальных 12-ти стихах отдельных книг Энеиды; были в более непосредственном употреблении как школьные учебные тексты. *Partitiones* использовали хорошо известные хрестоматийные литературные тексты, чтобы дать формальные упражнения для обучения грамматике. Широко использовались также такие примеры из греко-язычного мира, как схедография; Присциан составлял из них главы для своей работы, где приводил примеры и споры;

- *De accentibus* (Об ударениях) – более поздний трактат несколько иного строения и стиля, приписанный Присциану («Псевдо-Присциан»).

---

[18] См.: *Gillett A*. Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge: UP, 2003.

[19] *Schmidhhauser A.U.* Le De pronomine de Priscien et son modèle grec // Priscien: Transmission et réfondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, edd. Turnhout: Brepols, 2009. P. 168–182.

Все эти сочинения опубликованы у Г. Кайля в серии «Латинские грамматики»[20].

Присциан также является автором двух поэм. Географическое латинское стихотворение под заглавием «Periegesis» («Путевые заметки») является переводом и отчасти вольной переделкой одноименного греческого стихотворения Дионисия.

«Панегирик императору Анастасию» - более важный исторический источник[21], продолжающий традицию латинского стихотворного императорского панегирика (ранее Клавдиан, Сидоний, позднее Корипп).

В целом все сочинения Присциана находятся в основном культурном контексте Поздней античности[22], и поэтому представляют немалый интерес для современного исследователя этой эпохи в духе британской школы Питера Брауна, рассматривающей IV-VII вв. как единый сложный исторический период (Late Antiquity) с суммой взаимодействий разнонаправленных исторических факторов и постепенным «переформатированием» общества.

Существуют различные мнения у историков по поводу того, когда, в каком столетии Средние века сменяют классическую античность, но как можно заключить из лингвистических источников, Присциановы *Институции* (начало VI в.) могут рассматриваться в равной мере и как рубеж, и как связь между ними двумя. Его грамматика представляет исчерпывающую и достаточно творческую компиляцию из всего, что было достиг-

---

[20] Grammatici latini / ed. Heinrich Keil. V. 3. Prisciani Institvtionvm grammaticarvm libri XIII-XVIII ex recensione Martini Hertzii. Prisciani opera minora ex recensione Henrici Keilii. Lipsiae, 1859. P. 407-515.

[21] *Coyne P.* Priscian's De laude Anastasii imperatoris. McMaster Univ., 1988; *Cameron A*. The Date of Priscian's De Laude Anastasii // Greek, Roman and Byzantine Studies. 15. 1974; *Болгов Н.Н.* «Панегирик императору Анастасию» Присциана // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. IV: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Н.П. Кондакова (1844–1925). К., 2014. С. 270–293; Присциан. Панегирик Анастасию / прозаический перевод Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 279-286.

[22] *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin-New York, 1993 (о Присциане: с. 87-110).

нуто на тот момент совокупной традицией греко-римской лингвистической школы.

Среди фигур Семи Свободных Искусств за западном фронтоне Кафедрального собора в Шартре мы видим Грамматику, изображенную в резьбе по дереву вместе со своим величайшим комментатором – Присцианом.

Главными достоинствами сочинений Присциана являются полнота изложения и изобилие примеров. Благодаря Присциану, сохранились многие фрагменты из произведений ранних римских классиков Энния, Пакувия, Акция, Луцилия, Катона, Варрона. Присциан также цитирует многих из сохранившихся авторов[23].

Институции стали первым полным изложением и завершающей систематизацией грамматики классического европейского языка, которое мы имеем сегодня. Особенно важно, что это произошло в самый момент превращения латыни из живого языка в средневековый «мертвый» (а лучше сказать, «засушенный» подобно листу в гербарии).

Остается удивиться тому обстоятельству, что Присциан Грамматик до недавнего времени совершенно не привлекал внимания отечественных специалистов[24], особенно историков. Хочется надеяться, что его гигантское наследие будет со временем востребовано и в России, тем более что интерес в мировой науке к трудам великого систематизатора латинского языка не ослабевает.[25]

---

[23] *Salamon M.* Priscianus und sein Schülerkreis in Konstantinopel // Philologus. 123. 1979. S. 91-96.

[24] *Болгов К.Н.* Присциан и итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2012. С. 132-133; *Болгов К.Н.* Итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2012. С. 82-83.

[25] Новейшая коллективная монография: Priscien: Transmission et refondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes (état des recherches à la suite du colloque international de Lyon, ENS Lettres et Sciences Humanines, 10-14 octobre 2006) / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, edd. Turnhout: Brepols, 2009. XIX, 770 p.

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

1. *Отрывок из посвящения консулу Юлиану*

[*Keil* 1855: 2.24 – 3.2] (Priscianus Caesariensis Grammaticus Iuliano Consuli ac Patricio, 4) [26]

Huius tamen operis te hortatorem sortius iudicem quoque facio, Iuliane consul ac patricie, cui summos dignitatis gradus summa adquisivit in omni studio ingenii claritudo, non tantum accipiens ab excelsis gradibus honorum pretii, quantum illis decoris addends tui, cuius mentem tam Homeri credo quam Virgilii anima constare, quorum uterque arcem possederat musicae, te tertium ex utroque compositum esse confirmans, quipped non minus Graecorum quam Latinorum in omni doctrinae genere praefulgentem, tibi ergo hoc opus devoveo, omnis eloquentiae praesul, ut quantamcumque mihi deus annuerit suscepti laboris gloriam, te comite quasi sole quodam dilucidius crescat.

Имея счастье твоей поддержки в этой работе, я сделал тебя также ее судьей, о Юлиан, консул и патриций, который объединил самые высокие ранги государственной службы и интеллектуальные достижения в каждой отрасли исследований. Ты также получил признание за твои прежние правительственные назначения и добавил себе их почести. Твой ум, я считаю, весьма соответствует душе как Гомера, так и Вергилия, каждый из которых достиг вершин поэзии. Я уверен, что ты третий из живших, кто сочетал преимущества каждого из двух вышеупомянутых, так как ты просиял в каждом из родов обучения, не менее греков, нежели латинян. Поэтому я посвящаю это сочинение тебе, наш вождь всего красноречия, в надежде на то, что, независимо от славы, которую Бог дарует мне за труд, который я предпринял, он может засиять еще ярче с тобой, мой соратник и почти Солнце.

---

[26] Здесь и далее в аналогичных местах первая цифра означает номер страницы в издании Кайля, вторая – номер строки. В круглых скобках дана традиционная нумерация по книгам и главкам.

Эта часть сочинения Присциана, его самое начало, представляет собой достаточно грубое и сервильное посвящение Юлиану, консулу в Константинополе. Такой стиль был обычным для позднеантичной эпохи, особенно в отношении придворных кругов. Посвящение написано несколько гиперболизированной и пышной цицероновой латынью, заметно отличаясь от более трудного стиля самой Грамматики. Далее следует оглавление, с кратким изложением предмета каждой из 18 книг.

Вполне ясно, что город Константинополь еще сохранил большую часть римской государственной системы как «Второй Рим», а правители и правящий слой того времени еще были латиноязычными, или, если они не владели латинским языком, то учили его, как и латинскую литературу, в качестве необходимой и важной предпосылки для социального продвижения наверх.[27]

2. *О слове и предложении*

[*Keil* 1855: 53.8-12] (*Inst.* II, 14)

Dictio est pars minima orationis constructae, id est in ordine compositae: pars autem, quantum ad totum intellegendum, id est ad totius sensus intellectum; hoc autem ideo dictum est, ne quis conetur «vires» in duas partes divider, hoc est in «vi» et «res», vel quaedam huiuscemodi, non enim ad totum intellegendum haec fit divisio.

Слово является минимальной частью конструкции предложения, то есть, единица, составленная (вместе с прочими) в надлежащем порядке. Это часть, поскольку она способствует пониманию целого (предложения), то есть, [даёт][28] полное ощущение понимания. Мы говорим об этом, чтобы никто не пытался разделить «vires» («сильные») на две части – то есть, на «vi» и «res», или на что-то подобное. Такое разделение не способствуют полному пониманию предложения.

---

[27] В комментариях использованы материалы Р. Робинса: см. *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin; New York, 1993.

[28] В квадратных скобках даны слова, необходимые по смыслу в переводе.

3. *О предложении*

[*Keil* 1855: 53.28 – 54.2] (*Inst.* II, 15)

Oratio est ordinatio dictionum congrua, sententiam perfectam demonstrans, est autem haec definitio orationis eius, quae est generalis, id est quae in species sive partes dividitur, nam oratio dicitur etiam liber rhetoricus nec non unaquaeque dictio hoc saepe nomine nuncupatur, cum plenam ostendit sententiam, ut verba imperativa et responsiva, quae saepe una diction complentur, ut si dicam «quid est summum bonum in vita?» et respondeat quis «honestas», dico «bona oratione respondit».

Предложение образует правильную последовательность слов, устанавливающих законченную мысль. Но это определение предложения - общее, среди предложений можно выделить различные формы и детали. Говоря об *oratio* (предложении), мы должны обратиться к целой книге риторики, ведь одно слово часто образует целое предложение, когда оно обнаруживает полную мысль, как императивы и ответные формы, которые часто заполнены одним словом: если я скажу «quid est summum bonum in vita?» («что есть высшее благо в жизни?»), и кто-либо ответит: «honestas» («честность»), то я скажу: «bona oratione respondit» («он отвечает отличным предложением»).

Эти два пассажа можно сравнить с соответствующим разделом *Techne* Аполлония – разделом 11, к которому они, очевидно, восходят. Некоторые положения касаются основных единиц грамматики, изложенных здесь, хотя в большей степени – длины предложения. Присциан играет с двойным смыслом латинского слова *oratio,* имея в виду его смысл и как «речи», и как «предложения», в его обзоре в полном риторическом труде и в разделе об односложном предложении.

4. *Об отличительных свойствах частей речи*

[*Keil* 1855: 55.4 – 56.27] (*Inst.* II, 17-21)

Igitur non aliter possunt discerni a se partes orationis, nisi uniuscuiusque proprietates significationum attendamus.

Proprium est nominis substantiam et qualitatem significare. Hoc habet etiam appellatio et vocabulum: ergo tria una pars est orationis.

Proprium est verbi actionem sive passionem sive utrumque cum modis et formis et temporibus sine casu significare. Hoc habent etiam infinita, quare non sunt separanda a verbo. Participium autem iure separatur a verbo, quod et casus habet, quibus caret verbum, et genera ad similitudinem nominum, nec modos habet, quos continent verbum.

Proprium est pro aliquo nomine proprio poni et certas significare personas. Ergo «quis» et «qui» et «qualis» et «talis» et «quantus» et «tantus» et similia, quaesunt «infinita» sive «interrogativa» vel «elativa» vel «redditiva», magis nomina sunt appellanda quam pronomina: neque enim loco propriorum nominum ponuntur neque certas significant personas, sed etiam substantiam, quamvis infinitam, et qualitatem, quamvis generalem, quod est suum nominis, habent: nomina sunt igitur dicenda, quamvis declinationem pronominum habeant quaedam ex eis. Non enim declination, sed vis et significatio uniuscuiusque partis est contemplanda: indifferenter enim multa et nomina modo pronominum et pronominal modo nominum invenimus declinata. Quid enim stultius quam omnia, quae numerous significant, nomina dicere, unum autem, «unus unius», propter declinationem pronomen appellare? Quod si declinatio facit indicium, quails sit diction, debent omnia possessiva pronomina, quia nominum declinationem sequuntur, et participial in his computari, quod omnino caret ratione. Ergo non declinatio, sed proprietas est excutienda significationis.

Et quoniam de proprietate nominis et verbi et participii et pronominis brevoter dictum est, non incongruum esse arbitror, summatum de ceterarum quoque proprietate partium orationis percurrere.

Proprium est adverbii cum verbo poni nec sine eo perfectam significationem posse habere, ut «bene facio», «docte lego». Hoc ergo inter adverbium et praepositionem est, quod adverbium et sine casualibus potest praeponi et postpone verbis et cum casualibus, ut «pone currit» et «currit pone», «venit tempore longo post» et «post longo tempore venit». Terentius in *Adelphis*:

post faceret tamen.

si igitur invenias cum nomine adverbium sine verbo, scias hoc per ellipsin fieri, ut si dicam «non bonus homo» pro «malus», subaudio «est».

Praepositionis autem proprium est separatim quidem per appositionem casualibus praeponi, ut «de rege», «apud amicum», coniunctim vero per compositionem tam cum habentibus casus quam cum non habentibus, ut «indoctus», «interritus», «proconsul», «induco», «inspiciens».

Proprium est coniunctionis diversa nomina vel quascumque dictiones casuales vel diversa coniungere, ut «et Terentius et Cicero», «vel Terentius vel Cicero»; «et formosus et sapiens», «vel formosus vel sapiens»; «et legens et scribens», «vel legens vel scribens»; «et ego et tu», «vel ego vel tu»; «et facio et dico», «vel facio vel dico»; «et bene et celeriter», «vel bene vel celeriter»; quod praepositio non facit. Interest autem etiam hoc, quod praepositiones componi possunt cum verbis, coniunctio vero numquam, ut «subtraho», «addico», «praepono», «produco», «dehortor», coniunctio autem, licet sit praepositiva, in compositione tamen non invenitur cum verbis, ut «at», «ast», «sed», et quod praepositio casualibus separate praeponitur semper, coniunctio vero omnibus potest dictionibus modo praeposita modo postposita coniungi.

Есть и другой способ разграничения частей речи (классов слов), который обращает внимание на семантические свойства каждого из них.

Отличительное свойство существительного как имени есть обозначение [сущности и] качества. В общем одушевленные и неодушевленные существительные обладают этим свойством, и поэтому все три являются одной частью речи.

Отличительным свойством глагола является обозначение деятельности или оказания воздействия, или их обоих. Глаголы имеют наклонения, [морфологически различные формы], и времена, но без [возможности] обозначения падежа. Эти свойства также применимы и к инфинитивам, поэтому они не должны быть отделяемы от глаголов. Причастие, однако, справедливо отделяется от глагола, поскольку оно имеет падеж, которого глагол не имеет, а также род, подобно существительным; и не имеет наклонений, присущих глаголам.

Свойство местоимения – возможность замены на имя собственное и обращение к конкретным лицам. По этой причине *quis* («кто») и *qui* («кто»), *quails* («какого типа?» «какого типа») и *talis* («в этом роде»), *quantus* («как много? как много») и *tantus* («так много»), и т.п., которые являются неопределенными или вопросительными, или относительными, или демонстративными, следует назвать именами существительными в большей степени, нежели местоимениями, так как они не используются вместо имен собственных, и не означают конкретных лиц; но они обозначают сущность, однако неопределенную, и качество, однако общее, что является свойством существительных. Поэтому они должны быть названы существительными, хотя некоторые из них имеют местоименные флексии. Ибо мы должны рассматривать не склонения, но, скорее, силу и значение каждой части речи. Мы находим много примеров существительных, склоняющихся как местоимения, и местоимений, склоняющихся как существительные. Что может быть нелепее, нежели назвать все слова, обозначающие числа существительных, лишь за одним исключением, *unus*, *unius* («один»), местоимениями, на основании [лишь] их склонений? Если склонение соответствует критерию класса, к которому принадлежит слово, все притяжательные местоимения, которые следуют склонению существительного, наряду с учитываемыми здесь причастиями, должны быть причислены к существительным, несмотря на отсутствие [иных] причин. Поэтому не склонение, но семантические свойства должны обозначаться [в первую очередь].

Поскольку мы кратко коснулись свойств существительного, глагола, причастия и местоимения, я думаю, что не было бы неуместно [кратко] пробежать по свойствам других частей речи.

Отличительное свойство наречия состоит в конструкции с глаголом, и не может иметь полного смысла без этого: например, *bene facio* («Я делаю хорошо»), *docte lego* («Я читаю со знанием»). Что отличает наречия и предлоги, так это то, что наречия могут предшествовать или следовать глаголам по делу или без дела склоняемыми словами, как в выражениях *pone currit* («позади бежит он») и *currit pono* («он бежит позади»), и *venit*

tempore longo post («он пришел много времени спустя») и *post longo tempore venit* («долгое время спустя он пришел»).

Теренций в «Братьях» (1.2.30) пишет *post faceret tamen* («после того, еще»). Так что, если вы найдете наречие с существительным, но без глагола, вы будете знать, что это происходит из-за эллипсиса: если я говорю *non bonus homo* («нехороший человек») в смысле *malus (homo)* («плохой человек»), вы поймете, что там есть *est* («есть») (*non est bonus homo*).

Отличительное свойство предлога - предшествовать словам с изменяющимися падежными окончаниями, например «о царе», «с другом», но иногда они сливаются как со словами с изменяемыми падежными окончаниями, так и со словами с неизменяемыми падежными окончаниями, например *indoctus* («неученый»), *interritus* («неустрашимый»), *intercurro* («бегущий между»), *proconsul* («на месте консула»), *induco* («привожу») и *inspiciens* («глядя в»).

Отличительное свойство союзов заключается в том, чтобы присоединиться к различным существительным или любым другим тематически склоняемым словам или разным глаголам и наречиям, например, *et Terentius et Cicero* («и Теренций, и Цицерон»), *vel Terentius vel Cicero* («или Теренций, или Цицерон»), *et formosus et sapiens* («и красивый, и мудрый»), *vel formosus et sapiens* («или красивый, или мудрый»), *et legens et scribens* («и читающий, и пишущий»), *vel legens vel scribens* («либо читающий, либо пишущий»), *et ego et tu* («и я, и ты»), *vel ego vel tu* («или я, или ты»), *et facio et dico* («я как делаю, так и говорю»), *vel facio vel dico* («либо я делаю, либо я говорю»), *et bene et celeriter* («и хорошо, и быстро»), *vel bene vel celeriter* («либо хорошо, либо быстро»). Предлог не может сделать [такого]. Но здесь также важно, что предлоги могут сливаться с глаголами, с которыми не может быть союзов, как в *subtraho* («убрать»), *addico* («наградить»), *praepono* («предложить»), *produco* («производить»), *dehortor* («отговаривать»). Союз, хотя и может предшествовать глаголу, с глаголами не сочетается; например: *at, ast, sed* («но»). И [кроме того,] предлог, стоящий с отдельными[29] па-

[29] Косвенными.

дежами, всегда им предшествует, союз же может сочетаться со всеми классами слов, как предшествуя им, так и следуя после.

Перечень конкретных свойств отдельных частей речи показывает больше факторов и акцентов в классификации слов, нежели в *Techne*. Мы видим в этом отрывке подробное распределение слов между существительным и местоимениями. Это согласуется с учением учителя Присциана - Аполлония (О местоимении 85a): «Слова распределяются на классы слов не по их флективным формам, но по их значениям». Когда каждая часть речи характеризуется с точки зрения определений длины, то понятия приведены в гораздо более формальных терминах, и зачастую перед нами - почти перевод соответствующих определений в *Techne* (см. *Keil* 1855: 369.2-3; *verbum est pars orationis cum temporibus et modis, sine casu, agendi vel patiendi significativum* («глагол является частью речи с временами и наклонениями, но без падежей, обозначающей действие или оказываемое воздействие»).

Непреходящая важность склонений и падежей как *fundamentum divisionis* (основного разделения) между частями речи обязательна для Присциана, как это было обязательно и для автора *Techne*, как и признание причастия отдельной частью речи (отдел 15).

Существуют некоторые разногласия среди авторитетных грамматиков о разнице между *appellatio* и *vocabulum*, хотя все признают и то, и другое нарицательными, отличными от имен собственных. Некоторые делают различие между абстрактным (*appellatio)* и конкретным (*vocabulum)*, тогда как прочие считают основным отличие между *appellatio* как одушевленным и *vocabulum* как неодушевленным[30]

В ходе рассмотрения вопроса о членстве класса существительных, как и в других своих работах, Присциан относит относительные и вопросительные местоимения (в современной терминологии) к классу существительных, хотя он признает, что некоторые латинские грамматики имели другую точку зрения,

[30] Cf. *Keil* 1857: 320.14-24; 533.22-27; 1864: 373.5.

помещая их среди местоимений[31], например, грамматик IV в. Проб[32]. Он рассматривает данный вопрос довольно подробно. Проб столкнулся с четкой морфологической разницей между греческим относительным местоимением, которое склоняется как определенный артикль и рассматривается как «постпозитивный артикль» (*Techne,* отдел 16) и латинским относительным местоимением, склоняющимся как вопросительные местоимения; и, конечно, как он неоднократно указывает, в латинском языке не было определенных артиклей (например: *Keil* 1859: 11.25: *articulum Romani non habent* («артиклей римляне не имеют»)). Аполлоний изложил достаточно полный свод относительных конструкций со ссылкой на «постпозитивный артикль», *hos, he, ho,* etc.[33]; Присциан пишет меньше на эту тему, его основные утверждения на эту тему находятся в синтаксических главах[34].

Подклассы существительных следуют в общем их латинском использовании: *quis* и *qui* неопределенны в таких конструкциях как *si quis* ... («если кто-то ...»), далее следует глагол; *qui*, как в *qui color* («какой цвет?»), используется как вопросительное прилагательное (в современных терминах; греческие и латинские грамматики включали прилагательное в класс существительных).

Присциан использует термин *relativum* («относительное») довольно широко. В некоторых пассажах это ясно видно в переводе[35] *Virgilius, cui Gloria contigit* («Вергилий, чья слава прошла»; (129.6) *quis scripsit bucolica? Qui etiam georgica* («кто написал Эклоги? Он также написал Георгики»). Но в некоторых других пассажах *relativum* используется почти наравне с *redditivum*:[36] *autos* («он сам») (греч.), *quod est pronomen relativum* («что является относительным местоимением»);[37] *relative quidem*

---

[31] Cf. *Keil* 1855: 61.9-20.

[32] *Keil* 1864: 133.14 – 136.18.

[33] *Uhlig G.* (ed.). Grammatici Graeci. 2.2. Hildesheim, 1910. P. 116-128; *Householder F.W.* The Syntax of Apollonius Diskolus. Amsterdam, 1981. P. 79-87.

[34] *Keil* 1859: 127.12 – 128.15.

[35] *Keil* 1859: 128.1.

[36] *Keil* 1859: 125.1.

[37] *Keil* 1859: 142.28-29.

sunt «ipse» vel «is» vel «sui» («также относительно *ipse* («сам»), *is* («он, один»), или *sui* («самого»)»)[38]. В ходе специального рассмотрения вопроса о склонении местоимения до него, он подчеркивал особую роль латыни (например, *ille* («он, один»), gen. *illius,* dat. *illi,* по сравнению с *servus* («раб»), gen. *servi,* dat. *servo*).

Относительно наречий Присциан следовал установлениям *Techne,* что они используются только в синтаксической конструкции с глаголами, хотя латинские конструкции с другими словами классифицируются так же регулярно, как и в греческом языке. Синтаксисические примеры эллипсиса довольно темны, хотя их смысл достаточно ясен: предположительно, *non bonus homo* («нехороший человек») следует понимать как *non est bonus homo* («не есть хороший человек»).

О предлогах также Присциан в основном следует *Techne*, даже касательно отрицательной приставки *in-* как усиление предлога[39], несмотря на существование в латинском языке однозвучных *invisus* («невидимый») и *invisus* («смотреть искоса, ненавидеть»). Без сомнения, довольно длинный перечень различий между предлогами и союзами связан с выделением стоиками одного из них в отдельный класс.

5. *О междометии*

De Interiectione

[*Keil* 1859: 90.6-15] (*Inst.* XV, 40)

Interiectionem Graeci inter adverbia ponunt, quoniam haec quoque vel audiungitur verbis vel verba ei subaudiuntur, ut si dicam «papae, quid video?», vel per se «papae», etiamsi non addatur «miror», habet in se ipsus verbi significationem. Quae res maxime fecit, Romanarum atrium scriptores separatum hanc partem ab adverbiis accipere, qua videtur affectum habere in se verbi et plenam motus animi significationem, etiams: non addatur verbum, demonstrare. Interiectio tamen non solum quem dicunt Graeci σχετλιασμόν significant, sed etiam voces, quae cuiuscumque passionis animi pulsu

[38] Cf. *Keil* 1855: 578.12, 23.

[39] Cf. *Keil* 1859: 164.10-11.

per exclamationem intericiuntur. Habent igitur diversas significationes: gaudii, ut «euax»; doloris, ut «ei».

Греки класс междометий располагали между наречиями, так как они также либо сочетаются с глаголами, или глаголы понимаются в сочетании с ними. Если мы говорим *papae, quid video?* («О Боже! Что я вижу?») или *papae* («Боже!») сами по себе, то здесь такой глагол как *miror* («думаю») и не добавляется, он подразумевается. Некоторые авторы латинских грамматик брали такие слова как отдельные от наречий, потому что они видели, что они имели в себе силу глаголов, и для обозначения полной душевной привязанности использовались даже без добавления глагола.

Но междометия – это не только то, что греки называли *schetliasmon* («возмущаться жалобой»), но также включали выражения, которые могли быть восклицательными междометиями как импульсом любого душевного опыта. Междометия, следовательно, имеют различные значения: или радость, как *euax* («ура!») или горе, как *ei* («увы»).

Пока, как мы знаем, первым латинским грамматиком, который рассматривал междометия как отдельный класс слов, был Коминиан, а затем Реммий Палемон[40]. Таким образом, греческое количество классов слов 8 сохранилось в латыни в отсутствие определенного артикля и перераспределения роли относительного местоимения. Наблюдение Присциана о том, что греки считали только пейоративные формы, вводит в заблуждение. Формы, которые классифицируются как междометия в латинской грамматике, распределены среди многих подклассов наречий в разделе 19 *Techne*.

6. *Порядок букв, слогов, слов*
[*Keil* 1859: 108.5 – 109.7] (*Inst.* XVII, 2-5)

---

[40] *Keil* 1857: 238.19-25: *Nihil docibile habent, значительное tamen adfectum Animi* («они имеют определенного смысла, но они указывают на состояние ума»)

In supra dictis igitur de singulis vocibus dictionum, ut poscebat earum ratio, tractavimus; nunc autem dicemus de ordinatione earum, quae solet neri ad constructionis perfectae, quam admodium necessariam expositionem omnium diligentissime debemus inquirere, quod, quemadmodium literae apte coëuntes faciunt syllabas et syllabae dictiones, sic et dictiones orationem. Hoc enim etiam de tradita ratio demonstravit, quae bene dicuntur ab Apollonio prima materies vocis esse humanae individual. Ea enim non quocumque modo ostendit fieri literarum, sed per aptissimam ordinationem, unde et «literas» verisimiliter dicunt appellari, quasi «legiteras», quod legendi iter praebeant ordine congruo positae. Nec non etiam auctores literis syllabae idem recipiunt, cum ex eis coëuntes iuncturae pro debito dictionem perficiunt. Igitur perficiunt. Igitur manifestum, quod consequens est, ut etiam dictiones, cum partes sint per constructionem perfectae orationis, id est του κατα σύνταξιν αυτοτελους λογου, aptam structuram [id est ordinationem] recipiant: quod enim ex singulis dictionibus paratur sensibile [id est intellegibile], quodammodo elementum est orationis perfectae, et quomodo elementa cuncturis syllabas efficient suis, sic etiam ordinatio intellegibilium imaginem quondam syllabae perficit adiunctione dictionum. Est enim oratio comprehensio dictionum aptissime ordinatarum, quomodo syllaba comprehesio literarum aptissime coniunctarum; et quomodo ex syllabarum coniunctione dictionum, sic etiam ex dictionum coniunctione perfecta oratio constat.

Possumus autem ex accidentium quoque similitudine hoc contemplari.

Bis idem elementum accipitur, ut «relliquias, redo», sed etiam syllaba, «Leleges, tutudi, peperi», similiter et diction, ut:

Me, me – adsum qui feci.

На предыдущих страницах мы имели дело с отдельными формами слов, как это было необходимо. Теперь мы будем говорить об их упорядочении в строки, что делается для того, чтобы построить законченное предложение. Это мы должны изучить очень тщательно, поскольку это жизненно необходимо для объяснения литературных текстов авторов. Так же, как буквы, правильно соединяясь, образуют слоги, а слоги составляют слова, так и слова составляют предложения.

Это было показано в случаях с буквами в сочинениях, которые дошли до нас. Аполлонием впервые было хорошо сказано, что буквы – это первичный материал индивидуальной человеческой речи. Это показывает нам, что мы не можем писать письма, объединив буквы в любом порядке, но только через последовательности, сформированные особым образом. Вот почему *literas* («буквы») справедливо так именуются, как если бы они были *legiteras* («читаемые тропы»), потому что они показывают нам пути, вслед которым нам следует читать, так как они размещены в упорядоченных последовательностях.

Более того, слоги большего размера, чем буквы, обрабатываются таким образом, что их комбинации правильно наполняют слова. Поэтому очевидно, что в результате слова, которые, в свою очередь, являются компонентами полных предложений, должны быть составлены в хорошо сформированные структуры (или упорядочения). Очевидно, что нечто понятное в отдельных словах, есть в некотором порядке составленные буквы, которые производят слоги и их комбинации, и это тоже дает упорядочение смысла, производящее впечатление какого-то (осмысленного) слога через строки слов. Предложение является унификацией правильно составленных слов, так как слог является унификацией соединенных букв, и так как слово состоит из соединенных слогов, это тоже делает полное предложение состоящим из соединенных слов.

Мы можем также посмотреть на это в свете рассмотрения таких форм. Составные слова могут иметь один и тот же повторяющийся слог, как у *relliquias* («остатки»), *reddo* («возврат»), но также могут включать повторяющийся в одном слове слог, *Leleges* («лелеги – пеласгическое племя»), *tutudi* («я ударил»), и *peperi* («я родился»); также может повторяться и все слово: *Me, me – adsum qui feci* («Меня, меня, кто сделал»).

Аналогом порядка букв и слогов с синтаксическим порядком слов в предложении стал греческий язык. В нем это было оформлено в начале первой книги о синтаксисе Аполлония. Если сравнить эти два отрывка, то будет очевидно, что Присциан переводит почти слово в слово греческий текст Аполлония с заменой примеров на латинские.

Litera «буква» используется одновременно как минимальная единица или элемент и разговорного, и письменного латинского, каковой была *gramma* по-гречески (см. *Techne* раздел 6). Объяснение «этимологии» является типичным путем, которым этимология понималась в древности, в результате чего смысл более сложного слова должен был словно «разворачиваться» в его предполагаемых установлениях, лежащих в основе слов (ср. Комментарий в разделе 1 *Techne*). И Аполлоний, и Присциан устанавливают отношения между буквами, слогами, словами и предложениями в качестве единиц размера, а не как отдельных уровней фонологии, с одной стороны, и в морфологии и синтаксисе, с другой.

Пример повторяющихся слов взят из Вергилия (*Aeneid.* 9.47): *Me, me, adsum qui feci, in me convertite ferrum, O Rutuli* ... «На меня, на меня, кто сделал дело, обратите свои мечи, рутулы».

7. *О синтаксисе*

[*Keil* 1859: 116.5-19] (*Inst.* XVII, 12-13)

Sicut igitur apta ordinatione perfecta redditur oratio, sic ordinatione apta traditae sunt a doctissimis atrium scriptoribus partes orationis, cum primo loco nomen, secundo verbum posuerunt, quippe cum nulla oratio sine iis completur, quod licet ostendere a constractione, quae continet paene omnes partes orationis. A sua si tollas nomen aut verbum, imperfecta fit oratio; sin autem cetera subtrahas Omnia, non necesse est orationem deficere, ut si dicas: «idem homo lapsus heu hodie condicit», en omnes insunt partes orationis absque coniunctione, quae si addatur, aliam orationem exigit, ergo si tollas nomen aut verbum, deficiet oratio, desiderans vel nomen vel verbum, ut si dicam «idem lapsus heu hodie concidit» vel «idem homo lapsus heu hodie»; sin subtrahas adverbium, non omnio deficiet oratio, ut «idem homo lapsus heu concidit», nec non etiam participium si adimas, neque sic deficiet, ut: «idem homo heu hodie concidit», nec si praepositionem et interiectionem: «idem homo cecidit», nec si etiam pronomen: «homo cecidit».

Как и полностью составленные предложения как результат правильного расположения слов, мы вынесли сюда грамматики наших ученейших писателей относительно частей речи в правильном порядке. Они поместили существительное первым, а глагол – вторым, так как без этих двух полное предложение не может быть составлено.

Это может быть показано на примере конструкции, содержащей в предложении почти все различные части речи. Если убрать существительное или глагол, то предложение будет составлено не очень хорошо, но если вы уберете все остальные части предложения, то оно не обязательно будет неисправным.

Если вы скажете: «Тот человек, который поскользнулся, увы, сегодня упал», то увидите, что здесь имеются все части речи, исключая союз, который понадобился бы в других предложениях, если бы они были добавлены. Итак, если вы исключите существительное или глагол, предложение будет дефектным из-за их отсутствия, как если бы я сказал: «Тот человек, который поскользнулся, увы сегодня». Но если вы удалите наречие, предложение ни в коем случае не будет дефектным, как «Тот человек, который поскользнулся, увы, упал»; также не будет дефектным, если вы удалите причастие, как в предложении «Тот же самый человек, увы, упал»; и то же самое относится к предлогу и междометию: «Некий человек упал»; предложение не будет неисправным, если вы удалите и местоимение: «Человек упал».

Этот отрывок, тоже тщательно следует за соответствующим отрывком Аполлония[41], и в соответствии с его утверждением, что все другие части речи синтаксически относятся к существительному или глаголу[42], и это следует оригинальному платоновскому разделению *logos* «предложения» на субстантивные фразы (NP) (*onoma* «имя» или «субъект») и глагольные фразы (VP) (*rhema* «что сказано об этом» или «предикат»).

---

[41] *Uhlig G.* (ed.). Grammatici Graeci. 2.2. Hildesheim, 1910. 14.4 – 18.4; *Householder F.W.* The Syntax of Apollonius Diskolus. Amsterdam, 1981. P. 23-24.

[42] *Householder F.W.* The Syntax of Apollonius Diskolus. Amsterdam, 1981. 30; cf. p. 59-60.

Ordinatio «упорядочение или договоренность» здесь относится не просто к линейному порядку слов, что по-латыни может существенно отличаться для стилистических соображений, не затрагивая синтаксической структуры предложения, но и к их иерархической упорядоченности в терминах возможного построения. Эта более полно выражено со ссылкой на греческого автора Григория Коринфского[43].

Idem («то же самое») считается местоимением[44], и приставка *con-* в слове *concidit* принимается в качестве совместной формы свободного предлога, как *cum* «с». Чуть дальше[45] следуют предложения, содержащие один глагол, являются довольно распространенным в таком языке, как латынь, объясняя «понимание» из номинативного субъекта, в случае безличных глаголов, как *fulminat* «сверкает» и *tonat* «гремит», подразумевая, что в роли подлежащего выступает Юпитер.

8. *О переходных глаголах*

[*Keil* 1859: 212.27 – 213.12] (*Inst.* XVIII.9-10)

Verba quoque transitiva similiter variis solent casibus coniungi, ut «miles eget imperatoris; Aeneas praemia donat Euryalo; Plato erudit Aristotelen; Cicero potitur laude». Quomodo autem nominativus obliquis apte possit construi, quantum ratione potui comprehendere docebo, quos tamen etiam flexus sibi defendit, ut «Aeneas rex Trojanorum; Aeneae regis Trojanorum; Aeneae regi Trojanorum»; sic per reliquos casus quoque.

Nominativus igitur [casus nominum] genetivo adiungitur, quando possessio aliqua et possessor significatur. Et nominativo quidem possessionem, genetivo autem possessorem proferimus, ut «Hector filius Priami; Davus servus Simonis; Aeneas rex Trojanorum; Patroclus amicus Achillis; patronus Verris Hortensius». Quae sic interpretamur, ut, adiuncto verbo possessionem significante, possessio quidem mutet nominativum in accusativum, possessor vero

---

[43] См. о нем: *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin; New York, 1993. P. 169-170.

[44] Cf. *Keil* 1855: 589.14.

[45] *Keil* 1859: 116/27 – 117.4.

genetivum in nominativum, verbi huius natura hoc exigente, ut intransitive quidem nominativum, transitive vero accusativum exigat; «quid est enim Hector filius Priami?» interpretantes dicimus: «hoc est «Hectorem filium Priamus possidet» vel «habet».

Переходные глаголы могут подобным образом быть поставлены в различных падежах, например «Солдату нужен полководец» (родительный), «Эней вручает награду Эвриалу» (дательный), «Платон учит Аристотеля» (винительный), «Цицерон заслуживает похвалы» (творительный).

Я изложил правила построения правильных именных форм падежей с косвенными падежами, которые формально поддерживаются их склонениями, насколько я был в состоянии понять их систематически. Примеры: «Эней, царь троянцев», «Энея, царя троянцев», «Энею, царю троянцев», и так далее для остальных косвенных падежей.

Именительный сочетается с родительным падежом, когда обозначается владение и обладатель. И мы обозначаем обладание именительным падежом, а владельца - родительным, как в предложениях «Гектор, сын Приама»; «Дав, раб Симона», «Эней, царь троянцев»; «Патрокл, друг Ахилла»; «Гортензий, покровитель Верреса».

Эти фразы интерпретируется в том смысле, что с помощью глагола, означающего владение, обладание превращает именительный падеж в винительный, а владелец превращает родительный падеж в именительный, поскольку присущие глаголу особенности требуют, чтобы он принимал именительный падеж непереходно, а винительный переходно. «Что такое «Гектор, сын Приама?» Интерпретируя эту фразу, мы говорим: «Это «Приам обладает сыном, Гектором (т.е. имеет его)»».

Этот отрывок иллюстрирует использование Присцианом переходных и непереходных глаголов в синтаксисе. Это похоже, но не идентично, в его отношении к современному использованию; переходность относится к отдельным компонентам в предложении, и есть непереходное отношение между субъектом и переходным глаголом, как и между субъектом и непереходным глаголом (Присциан, конечно, никогда не сталкивался с пробле-

мами, связанными с эргативными конструкциями, которым так много внимания уделяется сегодня, в которых субъекты непереходных и переходных глаголов в разных случаях по-разному строятся).

Это восходит к использованию Аполлонием *metabasis* и *diabasis* [движение вдоль], анализирующего значение переходных глаголов, как с участием некоторых действий «в обход» субъекта в качестве агента, к объекту в качестве получателя, что грубо иллюстрируется такими глаголами, как «вырезать» и «бить», а затем распространяется на все глаголы, принимающие объект в косвенный падеж[46]. У непереходных глаголов такой переход не происходит, активность все время ограничивается именительным падежом существительного. Отсюда следует, что переходные глаголы могут быть пассивными.

Говоря *subject* и *object* в отношении переходных глаголов в сочинениях Аполлония, Присциана и всех грамматических трудов византийского времени, строго говоря, мы впадаем в анахронизм.

Как мы видели у Аполлония, переходные и непереходные глаголы, которые непосредственно связаны с косвенными падежами и с именительным падежом, не называются самостоятельными синтаксическими элементами, как субъекты и объекты, как например, специальные синтаксические термины *suppositum* и *appositum,* в отличие от логического *subjectum* и *praedicatum,* где проявилось творчество позднейших западных грамматиков.

В своем подробном изложении отношений между владеющими и владельческими фразами и соответствующими им полными предложениями, Присциан прибегает к метаязыку, напоминающему ранее трансформированное использование, хотя в этом случае предложение будет рассматриваться как основное, и номинальная фраза изменится.

---

[46] Cf. *Uhlig G.* (ed.). Grammatici Graeci. 2.2. Hildesheim, 1910. 46.17-19; *Householder F.W.* The Syntax of Apollonius Diskolus. Amsterdam, 1981. 35; 243.3-4; 208: *he energeia hos pros hypokeimenon ti diabibazetai* («деятельность, как и было, осуществляется через какой-то предмет»).

Это не просто вопрос о синтаксической классификации глаголов. Во фразе «Приам имел сына, Гектора» отношения между Приамом и «имел» - непереходны, а между «имел» и «сына, Гектора» переходны [47]. Формально различие между глаголами строятся только с одним непереходным и принимающих или требующих двух непереходных NP (субстантивных фраз). В латинском языке существительное непереходное, как правило, стоит в винительном падеже, но, как показывают примеры, в некоторых глаголах использовались родительный и творительный падеж.

Мы видим у Присциана зародыш понятий в области управления, которые, наряду с переходными и непереходными различиями, были очень влиятельны среди латинских грамматиков более поздних эпох западного средневековья.

9. *Из Partitio*

[*Keil* 1860: 469.14 – 470.3] (*Partitio* II. 44-47)

«Conticvere omnes intentique ora tenebant».

Scande versum. Conticu ere om nes in tenti que ora te nebant. Dic caesuras. Semiquinaria, conticuere omnes. Quot habet figuras? Decem. Quare? Quia habet duos dactylos et tres spondeos. Tracta pedes. Conticuere omnes et cetera. Quot partes orationis habet? Sex. Quot nomina? Duo. Quae? Omnes ora. Quot verba? Duo, conticuere tenebant. Quid aliuid habet? Participium, intenti, et coniunctionem, que. Tracta singulas partes.

Conticuere quae pars orationis est? Verbum. Quale? Perfectum. Quo modo dictum? Indicativo, coniugationis secundae. Cur secundae? Quia in praesenti tempore secunda persona in es productam desinit, conticeo contices, quamvis a prima quoque persona hoc manifestum est in hac coniugation. Omnia enim verba in eo desinentia secundae sunt coniugationis exceptis paucis primae coniugationis, quae fere sunt haec, beo beas, creo creas, screo screas, meo meas, nauseo nauseas, calceo calceas, quod alii calico, enucleo enucleas; et quartae, eo is, queo quis, et quae ex his componuntur. Cuius

[47] Cf. *Keil* 1859: 213.10.

est significationis? Activae. Dic passivum. Conticeor. Cuius est numeri? Pluralis. Cuius figurae? Compositae. Ex quibus? Ex integro et corrupto, nam con praepositio est integra, quamvis separata in appositione non potest inveniri, sed semper in compositione; ticuere autem corruptum est, quia a, quod habuit integrum, mutavit in i, ticuere pro tacuere. Cuius est personae? Tertiae pluralis, quae tam in re quam in runt in hoc tempore finitur. Cuius est temporis? Praeteriti perfecti. Dic primas eius personas in omni tempore per singulos modos. Indicativo conticeo conticebam conticui conticebo.

«Они все замолчали и, стремясь сохранить рты, закрыли их».

Посмотрите строку: *Conticu ero om nes in tentique or ate nebant.* Дайте цезуры. Одна цезура – после двух с половиной стоп: *conticuere omnes.* Сколько различных форм может иметь такая строка? Десять. Почему? Потому что она имеет два дактиля и три спондея. Покажите стопы. *Conticu ere om nes* и так далее. Сколько частей слов здесь имеется? Шесть. Сколько существительных? Два. Каковы же существительные? *Omnes* («все») и *ora* («уста»). Сколько глаголов? Два, *conticuere* («они замолчали») и *tenebant* («закрыли»). Что еще содержит строка? Причастие *intenti* («стремясь») и союз *–que* («и»). Объясните каждое отдельное слово.

Что за часть речи *conticuere?* Глагол. Какого времени? Настоящего. Какое наклонение? Изъявительное, второе спряжение. Почему второе спряжение? Потому что в настоящем времени второе лицо (единственного числа) оканчивается на *–es* [с долгим гласным]: *conticeo, contices.* Но в этом спряжении также есть форма из первого лица (единственного числа); все глаголы, заканчивающиеся на *–eo*, относятся ко второму спряжению, исключая те немногие, что принадлежат к первому: для практических целей они таковы: *beo, beas* («благословлять»), *creo, creas* («созидать»), *screo, screas* «кашлять, запинаться»), *meo, meas* («идти»), *nauseo, nauseas* («болеть»), *laqueo, laqueas* («запутывать»), *calceo, calceas* (для некоторых случаев *calico*) («обуваться»), *enucleo, enucleas* («обнажать»), и к четвертому спряжению: *eo, is* («идти»), *queo, quis* («мочь»), а также глаголы, связанные с ними.

Каков его структурный залог? Активный. Сделайте его пассивным. *Conticeor* - «молчание хранится свыше меня». Каково его число? Множественное. Какова его структура? Составная. Составленная из чего? Из целого слова и неполного слова. С приставкой *con-* («вместе, с») слово полно, но этот префикс не может появиться сам по себе в словообразовании, но всегда употребляется в сложном слове. Однако *–ticuere* неполно, потому что *a*, которое как свободная форма изменяется на *i*, превращаясь в *–ticuere* из *tacuere.* Каково его лицо? Третье лицо, множественное число, которое в этом времени оканчивается на *–re*, а также на *–runt.* Что это за время? Прошедшее законченное.

Образуйте первое лицо единственного числа в каждом наклонении. В индикативе: *conticeo* («я замолкаю»), *conticebam* («я сохранял тишину»), *contiqui* («я замолчал»), *conticueram* («я умолк»), *conticebo* («я замолчу»).

Далее *Partitio* продолжает в том же духе, чтобы закончить разбор форм, связанных с *conticuere*, а затем разбирает предложения в подобной манере с каждым последующим словом. Еще два коротких отрывка могут быть рассмотрены здесь в данном контексте:

10. *О слове «omnes»*

[*Keil* 1860: 472.11-18] (*Partitio* II. 58-59)

Omnes quae pars orationis est? Nomen. Quale? Appellativum. Cuius est speciei? Numeralis. Omnia autem numerorum significative appellativa sunt, quamvis sint quaedam cognomina propria, quae vocem quidem habent numeralium, non tamen etiam significationem, ut Quintus Catulus, Dicimus Brutus. Potest habere comparationem hoc nomen? Non. Quare? Quia nullum nomen numerum significans comparationem potest habere, cum unus quisque numerous in se constat nec augeri aut minui in sua qualitate potest, except prior, quod de duobus ordinem significant.

Что за часть речи *omnes?* Существительное. Какой вид существительного? Нарицательное. Какого класса? Число. Все существительные, обозначающие число, распространены, хотя

некоторые из них есть также имена собственные или названия, имеющие формы, но не смысл, выраженный цифрами, как *Quintus Catulus (quintus* «пять») или *Decimus Brutus (decimus* «десять»). Могут ли эти существительные иметь сравнительную форму? Нет. Почему? Потому что не существительное, означающее количество, может иметь сравнение; каждое отдельное число является постоянным в своем значении и в своей собственной природе, и не может быть ни увеличено, ни уменьшено. Исключение - *prior*, что означает первый по порядку из двух [объектов].

10а. *О слове «ora»*

[*Keil* 1860: 474.3-9] (*Partitio* II. 66)

Ora quae pars orationis est? Nomen appellativum neutrum plural simplex, casus in hoc loco accusative, idem tame nest semper in neutris nominibus et nominativus et accusativus et vocativus. Dic singular. Os oris, nam si correpte os dicas, aliud significat, et ossis dicis genetivum. Fac diminutivum. Oscillum, osculum et ex hoc osculor oscularis, ostium quoque inde derivatur, ex quo ostiarius et ostiatum, oro quoque verbum ab ore est et oraculum.

Что за часть речи *ora?* Существительное. Нарицательное, среднего рода, множественного числа и несоставное; его место в этом контексте - винительный падеж. Именительный, винительный, звательный падежи всегда находятся в той же форме среднего рода. Образуем единственное число. *Os* «устье», *oris* (родительный падеж). Если вы сократите *о*, то слово будет иметь различное значение, *os* «кость», и вы образуете от него генитив *ossis.* Образуем уменьшительные формы от *os. Oscillum* («небольшая полость»), *osculum* («поцелуй») и от этого *osculor, oscularis* «целовать (глагол)». *Ostium* («дверь») также производное от него, из которого мы получаем *ostiarius* («привратник») и *ostiatim* («от двери к двери»). От *os* происходит слово *oro* («молить») и существительное *oraculum* («оракул»).

Эти отрывки взяты из второго из двенадцати *Partitiones* Присциана. Каждый из них включает в себя анализ первых строк каждой из двенадцати книг Энеиды Вергилия. *Partitiones,*

по-гречески *merismoi или epimerismoi,* сыграли важную роль в языковом образовании и литературе. Они пользовались особым вниманием в византийские времена[48].

В сущности, это были обширные перечни линий библейских текстов из строк, выбранных тогда же и позже из литературных произведений, библейских текстов, иногда, как здесь, частично в виде вопросов и ответов, и ясно предназначенных для механического обучения и зубрежки. В то время они не имели указателей, предусмотренных в современных школьных текстах античных авторов, но они шли значительно дальше, беря, как это видно из отрывков, приведенных здесь, за возможность повторения общей грамматической информации, изложенной в сыром виде. Великая роль для современников таких учебных ресурсов заключается в редкости тогдашней книги для школы и для других целей.

Хотя, в конечном счете, *Institutiones* Присциана избегли забвения и сохранились в нескольких сотнях рукописей (а это показатель их авторитета и репутации), мы должны помнить, что каждая копия каждой книги допечатной эпохи была исключительным продуктом индивидуального переписчика. Количество студентов, собиравшихся послушать чтение вслух учителя, должно было быть невероятно огромным, чтобы окупить стоимость книги (английское слово *lesson* есть, конечно, дериват от латинского *lectio* «чтение»). В те времена разрабатывались специальные приемы для запоминания текста, "обучения сердцем", такие, как стихосложения (как у Александра Вилла-Деи в *Doctrinale*), и разделение знания на краткие выразительные отрывки, естественно, немного помогало запоминающим.

Хотя в нескольких общественных и частных библиотеках содержалось много тысяч книг, мы должны предположить, что большинство лучших тогдашних библиотек можно сравнить с эталонной коллекцией в хорошей университетской библиотеке сегодня; и количество книг, которыми обладало индивидуально большинство студентов, должно было быть минимальным по современным стандартам.

---

[48] Более полно см.: *Gluck M.* Priscians Partitiones und ihrer Stellung in der Spatantike Schule. Hildesheim: Olms, 1967.

В метрическом отделе *figurae* («формы») (греч. *schemata*) давались возможные варианты перестановок, которые могли иметь строки. Со спондеем или его трохеическим эквивалентом была обязательна как финальная стопа в латинском гекзаметре возможность либо спондея, либо дактиля, существовавшая и в других пяти стопах, хотя спондеи в пятой стопе решительно «отмечены» и редки. В этой системе комбинации из трех спондеев и двух дактилей или двух спондеев и трех дактилей могут быть метрически расположены десятью различными способами (*figurae*).

В стихе с одним дактилем и четырьмя спондеями в первых пяти стопах может быть пять различных механизмов (как в метрической композиции строк в *Partitio* VIII[49], где все пять футов дактилей возможны только в одной последовательности (как в *Partitio* X))[50]

Conticeo есть форма настоящего времени по сравнению с более общим *conticesco,* в смысле «замолчать», и обе они имеют перфектную форму *conticui.* Возможность пассива в форме *conticeor* поддерживается переходным использованием *conticuit* «хранить молчание о», как в *tantumque nefas mens conscia vatum conticuit* «его разум, зная о прорицателях, молчал о столь великой несправедливости» (Valerius Flaccus *Argonautica* 3.302).

Уже отмечалось, что Присциан, как и Аполлоний[51], эффективно выделял три класса слов – активный, пассивный и нейтральный (непереходный).

Только глаголы, способные образовывать пассивную парадигму и участвующие в регулярных пассивных синтаксических конструкциях (т.е. переходные глаголы) считаются активными. Другие глаголы – на *–o*, хотя имеют ту же самую морфологию как активные переходные глаголы, классифицируются как нейтральные[52].

---

[49] *Keil* 1859: 496.1-6.

[50] *Keil* 1859: 504.1-6.

[51] *Uhlig G.* (ed.). Grammatici Graeci. 2.2. Hildesheim, 1910. 395.12 – 396.2; *Householder F.W.* The Syntax of Apollonius Diskolus. Amsterdam, 1981. P. 208.

[52] *Keil* 1855: 373.26-28; 375.9-12.

В своих основных дидактических функциях *Partitio* выходит за рамки простого анализа составляющих слов самих по себе, как мы видим в комментариях к *conticuere*. То же самое расширение сводной информации видно также в коротких отрывках из разделов, посвященных *omnes* («все») и *ora* («уста»).

Краткое грамматическое сочинение Присциана *Institutio de nomine, pronomine et verbo*[53], хотя и представляет менее самостоятельный интерес, нежели *Institutiones,* стоит упомянуть в связи с его дидактическим значением и его широким использованием на Западе в течение ряда лет, прежде чем *Institutiones* не стали так широко известны. Оно сводится к краткой морфологической презентации флективных классов слов, с формами причастий, прилагаемыми к словесным разделам.

Существительные и глаголы изложены в пяти склонениях четырех спряжениях, находимых и в *Institutiones*, так же, как те, которые используются с тех пор во всех традиционных грамматиках латинского языка и в современные дни.

Спряжения как подклассы глаголов восходят к греческой грамматике *Techne*; но среди грамматик греческого языка мы не находим номинальные склонения тех видов, который использует Присциан, и которые, по сути, были предвещены Варроном (*De lingua Latina* 10.62)[54], и бытовали до финальных веков Византийской империи, когда контакты между Востоком и Западом стали усиливаться.[55]

Далее приводим один отрывок из *Institutio De nomine, pronomine et verbo,* его первый пункт, которого будет достаточно, чтобы проиллюстрировать стиль этого краткого учебника:

11. *О пяти склонениях существительных*

---

[53] *Keil* 1859: 443-456.

[54] Taylor D.J. Dionysius Thrax and Marcus Varro // North American contributions to the history of linguistic. Amsterdam, 1990. P. 15-27.

[55] *Robins R.H.* The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin; New York, 1993. Ch. 12. P. 242-244.

[*Keil* 1859: 443.3-9] (*Inst. De nomine, pronomine et verbo*, 1)

Omnia nomina, quibus Latina utitur eloquentia, quinque declinationibus flectuntur, quae ordinem acceperunt ab ordine vocalium formantium genetivos. Prima igitur declinatio est, cuius genetivus in ae diphthongon desinit, ut hic poeta huius poetae; secunda, cuius in i productam supra dictus finitur casus, ut hic doctus huius doctu. Tertia in is brevem, ut hic pater huius patris; quarta in us productam, ut hic senatus huius senatus; quinta in ei divisas syllabas, ut hic meridies huius meridiei.

Все существительные, используемые в латинском языке, склоняются по одному из пяти склонений, которые образованы в порядке гласных, образующих их родительный падеж (единственного числа).

Первое склонение – это такое, в котором форма генитива имеет дифтонг *–ae*, как в *hic poeta* («этот поэт»), *huius poetae* («этого поэта»).

Второе образуется в этом падеже (долгим) *–i*, как в *hic doctus* («этот ученый»), *huius docti* («этого ученого»).

Третье склоняется с кратким *–is*, как в *hic pater* («этот отец»), *huius patris* («этого отца»).

Четвертое склоняется с (долгим) *–us*, как в *hic senatus* («этот сенат»), и *huius senatus* («этого сената»).

Пятое склоняется с двусложным *–ei*, как в *hic meridies* («этот полдень»), и *huius meridiei* («этого полдня»).

ПАНЕГРИК ИМПЕРАТОРУ АНАСТАСИЮ

Лишь одна рукопись *Vindobonensis 16* fol. 50-52 содержит полный текст единственной поэмы Присциана De laude Anastasii Imperatoris. Эта рукопись в основном посвящена различным патристическим и грамматическим трактатам, переписанным ориентировочно в VIII в. в монастыре св. Колумбана в Боббио. В XVI в. рукопись была перенесена в монастырь св. Иоанна Угольщика в Неаполе; из Неаполя в 1717 г. - в библиотеку в Вене, где была каталогизирована в 1799 г. После первой мировой войны рукопись была возвращена в Неаполь[56]. Другая рукопись: *Bernesis 363*, folio 195, содержит предисловие и первые 44 строки поэмы. Большая часть этой рукописи восходит к VIII-IX вв. и посвящена поэмам Горация.

De laude Anastasii Imperatoris была впервые издана и получила исторический комментарий в 1828 г. Эндлихером. Несмотря на то, что множество негреческих, восточных источников тогда не было доступно, это до сих пор используемое издание. Эндлихер объяснил, что ссылки на исторические события, рассматриваемые Присцианом в его панегирике, подтверждаются в других источниках, которые цитируются им достаточно широко. Издание Эндлихера включено в Corpus Scriptorum Historae Bysantinae. Его издание также использовал Э.Ф. Корпе, который опубликовал латинский текст и французский перевод и несколько исторических и литературных комментариев в 1845 г. Эндлихер имел доступ только к одной рукописи - в Вене.

В 1883 г. Беренс публикует новое издание панегирика, основываясь на обеих рукописях. Романо использует работы Беренса как основу для своей собственной версии издания панегирика с добавлением итальянского перевода и комментариями по определенным историческим функциям поэмы. Последнее издание Алена Шово было опубликовано с комментариями текстов и французским переводом двух панегириков, одного латинского, другого греческого, написанных в честь императора Анастасия соответственно Присцианом и Прокопием Газским.

---

[56] *Lowe E.A.* Codices Latini antiquiores. A Paleographical Guide to Latin Manuscripts prior to the Ninth Century. Oxford, 1933-1934. P. 36-38.

De laude Anastasii Imperatoris принадлежит латинскому грамматику Присциану Цезарейскому. Все издатели панегирика подтверждают его авторство. Благодаря известности Присциана как латинского учителя[57] и связям с его покровителем при дворе, очень вероятно, что он был избран произнести латинский панегирик в честь Анастасия.

Мы имеем мало сведений о жизни Присциана[58], хотя его труды сохранились. Эти труды включают, помимо перевода «Периэгесиса» Дионисия, грамматические работы, по которым он наиболее известен: обстоятельные «Установления искусства грамматики» (Institutio de arte grammatica) в XI книгах; более краткие «De figuris numerorum», «De metris fabularum Terentii», «Praeexercitamina», «Institutio de nomine et pronomine et verbo», «Partitiones XII versuum Aeneidos principatum», «De accentibus»[59], а также малые стихотворные произведения[60]. Из посвящений к предисловиям своих трудов, из самих упоминаний этих сочинений, из указателей рукописей и из немногочисленных упоминаний современных и около-современных источников проистекают те определенные факты, которые нам известны.

Кассиодор сообщает нам, что Присциан был грамматиком в Константинополе: *ex Prisciano grammatico qui nostro tempore doctor Constantinopoli fuit…*[61]; также он мог преподавать латинский язык в столичном «университете»[62]. Как представляется, он работал в Константинополе в течение времени правления Анастасия и Юстина, а также в правление Юстиниана[63]. Его «Ars grammatica» была закончена до 526 г.; об этом говорит

---

[57] Грамматик Евтихий, который был учеником Присциана, именует своего бывшего учителя словами, которые обнаруживают, что они были хорошо знакомы: *Keil H.* Grammatici Latini. Leipzig, 1868. P. 456.

[58] Его когноменом мог быть – Октавий. См.: *Whitbread L.G.* A Note on Priscian the Grammarian // Latomus. 36. 1977. P. 811-812.

[59] Его малые грамматические сочинения собраны в: *Keil H.* Grammatici Latini. V. II-III. Leipzig, 1859.

[60] *Drathschmidt R.* De Prisciani grammatici Caesariensis carminibus. Breslau, 1907.

[61] Cassiod. De Orthogr. I,13: *Keil H.* Grammatici Latini. VII, 207.

[62] Об основании и структуре «университета» см. Cod. Theod. XIV, 9, 3.

[63] Paul. Deacon. Hist. Langobard. I, 25. Описывая правление Юстиниана, Павел Диакон перечисляет Присциана в ряду других известных авторов эпохи.

упоминание его ученика Феодора, рассказавшего нам, что он отредактировал свой труд в консульства Олибрия (526 г.) и Мавортия (527 г.)[64].

Присциан, однако, не был уроженцем столицы, как свидетельствует эпитет Цезарейский, часто сопутствующий его имени[65]. Из-за его знания латинского языка и литературы, его гордости за римское наследие[66] и посвящение им трех своих грамматических трактатов Симмаху, который идентифицируется с западным аристократом Аврелием Меммием Симмахом, консулом 485 г. и племянником Боэция[67], Присциан обычно предположительно связывается своим происхождением с Цезареей в Мавретании[68]. Кроме того, он восхваляет Анастасия за его помощь беженцам из Рима (см. комм. к ст. 242-245). Такое предположение и выводы из него о том, что работы Присциана были предназначены для западных слушателей и отражают западное мироощущение и интересы[69], недавно было убедительно оспорены Мэри Тейлор Дэвис[70].

Дэвис обращает внимание на то, что Присциан не показывает интереса к Африке в своих сочинениях и не упоминается как африканский или западный автор современными ему источ-

---

[64] *Keil H.* Grammatici Latini. II, 191-192, 451, 597; III, 208-209.

[65] Эпитет использован в надписи его ученика Феодора, а также у Павла Диакона.

[66] В «Искусстве грамматики» Присциан определяет свой труд как начало латинской традиции и говорит «наши римляне» или «латины» и «наши авторы». См., например: *Gluck M.* Priscians Partitiones und ihre Stellung in der spatantiken Schule. Hildesheim, 1967. S. 58-59.

[67] *Sundwall J.* Abhandlungen zur Geshcichte des ausgehenden Romertums. Helsinki, 1919. S. 160.

[68] Стандартная точка зрения распространена во многих изданиях, например: *Shcanz M., Hosius C., Krueger G.* Geschichte der romischen Literatur. Vol. IV, 2. Munich, 1920. P. 221; *Helm R.* Priscianus // RE. XXII,2. 1954. Col. 2328; *Momigliano A.* Gli Anicii e la storiografia latina del VI secolo D.C. // Secondo contributo alla storia degli studi classici. Rome, 1960. P. 240.

[69] *Courcelle P.* Late Latin Writers and their Greek Sources. Cambr. Mass., 1969. P. 325-330. О Присциане как о выходце из Африки см.: *Bury J.B.* History of the Late Roman Empire. L., 1923. V. I. P. 467; *Salamon M.* Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // Philologus. 123. 1979. S. 96.

[70] *Davis M.T.* Priscian and the West // Byzantine Studies Conference. Chicago, 1982.

никами. Она утверждает, что анализ грамматических трудов Присциана показывает его как ученого, образованного в равной степени как в латинском языке, так и в греческом, и интересующегося взаимоотношениями между этими языками, чьи труды базируются на смешанной греческой и латинской традиции, могут быть использованы для утверждения, что оба языка являются для него родными[71]. Дэвис обращает внимание на то, что имеются указания на то, что Присциан был, если и не уроженцем Востока, то, по крайней мере, был там воспитан с юных лет. В «Искусстве грамматики» Присциан несколько раз упоминает своего учителя Феоктиста[72], который был, возможно, восточным учителем, чью книгу по орфографии рекомендовал Кассиодор[73]. Также в его произведениях есть определенное количество мест, которые обнаруживают его интерес к восточным языкам и культуре[74]. Поэтому Дэвис намекает на то, что Присциан должен быть связан с одной из восточных Кесарий, возможно, Кесарией Палестинской, которая была хорошо известна во времена Присциана как центр риторических и литературных штудий[75], и показывает, что на востоке эпитет «Кесарийский» применялся к

---

[71] «Partitiones», которые представляют собой анализ грамматики и метрики первых 12-ти строк «Энеиды» как основу для обучения фундаменту латинской грамматики, могли использоваться греческими «студентами», начинающими обучаться языку. См.: *Courcelle P.* Late Latin Writers and their Greek Sources. Cambr. Mass., 1969. P. 329, № 49. Текст «Partitiones» см.: Grammatici Latini. III. P. 459-515. Для анализа места и роли этого сочинения в античной образовательной системе и использовании Присцианом греческого языка см.: *Gluck M.* Priscians Partitiones. О знании Присцианом греческого языка дискутирует: *Luscher A.* De Prisciani studiis Graecis. Breslau, 1912.

[72] Отзывы Присциана в адрес Феоктиста: … noster praeceptor Theoctistus, omnis eloquentiae decus, cui quicquid in me sit doctrinae post duum impute (Gr. Lat. II. P. 238).

[73] Cass. Institutiones Divinarum Litterarum. 30, 2.

[74] Присциан включает краткие замечания на сирийском и древнееврейском языках в «Ars grammatica» (например, Gr. Lat. II. P. 147, 148, 214, 321). Также Присциан высказывал суждения о библейских персонажах, популярных в Египте и на востоке.

[75] О школе в Кесарии см.: *Downey G.* The Christian Schools of Palestine: A Chapter in Literary History // Harvard Literary Bulletin. 12. 1958. P. 301-304; *Levine L.I.* Caesarea under Roman Rule. Leiden, 1975. - P. 58-60; 119-128; 135-136; *Collinet P.* Histoire de l’ecole de droit de Beyrouth. Paris, 1935. P. 81-83.

разным литературным фигурам, из которых наиболее известны Евсевий и Прокопий, связанные с этим городом. Хотя она иногда заходит слишком далеко в своих усилиях противодействовать общепринятым мнениям, как, например, тогда, когда она изображает Присциана недосягаемым для современных событий на западе[76], Дэвис не достигает успеха в установлении твердой связи Присциана с восточным культурным окружением - ученый, предназначающий свои труды восточным слушателям, но провозглашающий знание обоих языков как идеал; один из числа таких совершенно двуязычных и бикультурных людей в Константинополе и на востоке[77] (комм. к ст. 245-253). Это противо-

---

[76] Дэвис строит свою аргументацию на ограниченных знаниях о событиях на западе, которые Присциан обнаруживает в своем «Панегирике». Панегирист, однако, не пишет историю. Его композиция направляет интерес на особые случаи и аудиторию, и его задачей было объяснить эти случаи аудитории. Понятно, что Присциан не должен был включать сообщения о событиях в Италии в поэму, составленную в Константинополе для восточной аудитории. Также и грамматические труды Присциана можно использовать для обсуждения современных ему событий. Однако, интерес Присциана, обнаруживающий знание обоих языков и культур, что Дэвис так ярко показал в своем анализе грамматических сочинений, подразумевает, что Присциан должен был иметь связи, с теми, кто имел сходные интересы на западе. Мы знаем, что жители запада в учебных и научных целях посещали восток. Один такой визитёр – Марций Новат Ренат – имел копию самого Боэция, исправленную рукой ученика Присциана – Феодора, и, когда он был в Константинополе в 510 г., обсуждал теологические вопросы с Севиром Антиохийским, как об этом сообщает сам Севир в Liber contra impium grammaticum, Oratio 3, pars posterior.

[77] Об использовании латыни на востоке и в Константинополе см. *Hahn L.* Zum Schprachenkampf in romishen Reich bis auf die Zeit Justinians // Philologus. 10. 1907. S. 675-718; *Hemmerdinger B.* Les lettres latines a Constantinople jusqu a Justinien // Byzantinische Forschungen. 1. 1966. P. 173-179; *Dagron G.* Aux origins de la civilization byzantine: langue de culture et langue d'etat // Revue historique. 241. 1969. P. 23-56. Степень жизнеспособности латинского языка в Константинополе VI в. достаточно дискуссионна. Мнение Дагрона, по которому греческий был доминирующим языком культуры, тогда как знание латинского было ограничено чиновниками императорской администрации, и латинский обычно не использовался императорским окружением, было поставлено под сомнение М. Саламоном (*Salamon M.* Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // Philologus. 123. 1979. S. 96). Он утверждает, что латинский не был ограничен администрацией и небольшими общинами выходцев из Италии и Африки, и что интерес к латинской культуре был весьма сильным. Он показывает, что круг аристократов и чиновников, заинтересованных в равной мере греческими

речит тому контексту, что панегирик Присциана должен был быть послан Анастасию.

В подтверждение целей панегирика часто приводят информацию о том, что его дата известна, но необычно и неудачно то, что Присциан не сделал указания на цель, ради которой он сочинил «Похвалу Анастасию»[78]. Панегирик содержит в себе обычные упоминания надежно датированных событий правления Анастасия, но они являются небольшой помощью для датирования панегирика. Эти отсылки состоят в описании Исаврийской войны, которая была успешно закончена Анастасием в 498 г.[79], и аллюзиях на отмену хрисаргира в 498 г.[80], а также к запрещению venationes («охот») в предыдущем году[81]. Также есть упоминание о кампании, проведенной племянником Анастасия Ипатием против персов в 503 г.[82], и похвалы императрице Ариадне, которая скончалась в 515 г.[83]. Все эти индикаторы указывают на то, что поэма была составлена до этих дат[84].

и латинскими штудиями, а также в связях с интеллектуалами на западе, концентрировался вокруг Присциана. Он указывает также, что интерес в латыни как языке культуры в значительной мере сохранялся в течение VI в.

78 Панегирики являлись одним из элементов все более усложнявшегося церемониала, окружавшего императора, и читались как часть имперских празднований в честь вступлений в консульство, юбилеев, бракосочетаний и побед. Панегиристы зачастую привлекали внимание к событиям, по поводу которых сочинялись панегирики. Прокопий Газский, современник Присциана, написавший прозаический панегирик императору Анастасию по-гречески, сообщает нам (Pan. I), что его панегирик был преподнесен к празднованию установления образа императора, который, возможно, был установлен в благодарность императору за некоторые его благодеяния городу Газа.

79 Об исаврах и исаврийских войнах см. ст. 16-17, 19-37, 50-51, 58-60.

80 О хрисаргире см. ст. 149-161.

81 О venationes см. ст. 223-227.

82 О датировке и роли Ипатия в кампании против персов см. ст. 300.

83 Упоминания об императрице Ариадне появляются в конце поэмы, в ст. 301-308.

84 Для датировки панегирика предлагаются различные даты между 503 и 515 гг. Из последних работ Алан Камерон предпочитает дату 503 г. (*Cameron A*. The Date of Priscian’s De Laude Anastasii // Greek, Roman and Byzantine Studies. 15. 1974. P. 313-316), а А. Шово – 515 г. (*Shauvot A.* Observations sur la date de l’eloge d’Anastase de Priscien de Cesaree // Latomus. 36. 1977. P. 539-550).

В порядке определения более точных дат «Панегирика»[85] важно помнить, что его автор не делал записи исторических событий, но творил образы подобно иконописцу. Императорские панегирики обнародовались, если не как официальная пропаганда, то не менее, чем официально приемлемый и желательный образ императора[86]. Однако, образ мог измениться в соответствии с императорской политикой или необходимостью[87]. Так, один из путей определения даты «Панегирика Анастасию» лежит в установлении образа императора, который панегирист хотел сотворить, и в уточнении дат событий правления Анастасия для набора обстоятельств, контекста, в котором такой образ был бы соответствующим.

Образ императора Анастасия, который появляется в «Панегирике» - это один из тех правителей, которые как избраны с божественной помощью, так и правят с помощью божественного покровительства[88]. Даже в случайном прочтении, Присцианов эмфазис (усиление выразительности) о взаимоотношениях между Богом и избранным Им императором очевиден

---

[85] *Chauvot P.* Observations sur la date de l'eloge d'Anastase de Priscien de Cesaree // Latomus. 36. 1977. P. 539-550.

[86] О панегирике с точки зрения пропаганды см.: *Cameron A.* Claudian; *MacCormack S.* Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire // Revue des etudes augustiniennes. 32. 1976. P. 21-77. См. также: *Drake H.A.* In Praise of Constantine. P. 46.

[87] В своих ранних поэмах, например, Клавдиан усиливает образ регентства Стилихона, но эта тема исчезает из двух его последних панегириков. См.: *Cameron A.* Claudian. P. 49-51.

[88] О концепции богоизбранности императора см.: *Nock A.D.* A Diis Electa // Harvard Theologocal Review. 23. 1930. P. 251-274; *Rufus Fears J.* Princeps a diis electus. The Divine Election of Emperor as a Political Concept at Rome. Rome, 1977. О божественном покровительстве императору см.: *Kaegi W.E.* Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968. P. 176-223. Обе идеи были широко распространены в византийской политической и религиозной мысли. Они проявляются, например, в аккламациях, которыми приветствовали императоров при их воцарении. Анастасия приветствовали следующим образом: «Бог дал тебе, Бог будет хранить тебя» (Const. Porph. De cerem. I, 92). О богоизбранности Анастасия см. также у Иоанна Никиусского (Chron., 98, 9): London, 1916. P. 122.

и замечателен[89]. Постоянное повторение этой темы является доминирующим в поэме.

Первые строки поэмы определяют права Анастасия на престол его богоизбранностью, а также божественные гарантии его процветания и успехов (Pan. 4-7).

Упоминания о первых военных успехах, достигнутых Анастасием, связаны с Божьей помощью. Он сравнивает несчастья римского народа в правление исаврийцев с современным процветанием при Анастасии, которое описывается как Божий дар империи (Pan. 38-39).

Когда исаврийцы, намеревавшиеся продлить свой прогнивший режим, восстали против Божественным образом поставленного императора, Бог покарал их, наслав на них безумие. Это безумие (furor) побуждает их к войне, которая неизбежно должна окончиться поражением от сил непобедимого принцепса (Pan. 50-66). Огненная рука Господа поражает исаврийцев, и, вследствие благочестия императора, Бог вызывает шторм, разметавший суда мятежников (Pan. 89-97). Поражение исаврийцев было закреплено тем, что Бог справедливо их наказал (Pan. 119-129).

Вторая половина «Панегирика», которая имеет дело с обновлением и процветанием, которые принес Анастасий в империю вместе с миром, содержит сложные утверждения о богоданности права императора на правление. Император каленым железом выжег записи о ненавистной подати, хрисаргире, на Ипподроме, том самом месте, где Бог даровал ему скипетр и диадему, символы императорской власти (Pan. 162-170). Также на Ипподроме Анастасий празднует свой триумф над побежден-

---

[89] Темы богоизбранности и божественного покровительства императору не всегда акцентировались в императорских панегириках. Прокопий Газский (Pan. 5) перечисляет лица и учреждения, вовлеченные в избрание Анастасия, как вдохновленных Богом на их выбор: «Поистине, неким божественным приказом вызвано твое избрание. Как единогласно весь народ провозглашает тебя, великий сенат соглашается с ним, и императрица соглашается». Концепт богоизбранности не подчеркивает эту идею и не появляется нигде больше в панегирике Прокопия. Прокопий концентрирует внимание на актуальных исторических событиях воцарения императора, хотя достаточно кратко и без деталей.

ными исаврийскими вождями и благодарит Бога за это (Pan. 171-179). Бог поручает Анастасию восстановление мира (Pan. 180-192), и император, в образе небесного судии (Pan. 193-205) осуществляет правосудие. В конце этой части «Панегирика» Присциан возвращается к теме божественного покровительства императору. Бог прогоняет прочь врагов Анастасия, и будет карать всех, кто угрожает миру и безопасности империи (Pan. 256-260). Но Бог не только покровительствует империи, Он также вмешивается в события, чтобы спасти жизнь императора (Pan. 270-279).

Суммируя вышеизложенное, становится ясно, что основная тема панегирика – данная Богом легитимность правления Анастасия. Репрезентируя свой образ Анастасия, Присциан совмещает обычные привилегии с традиционным содержанием и форматом императорского панегирика. Часто включаются такие сюжеты, как рождение, родной город и образование императора, и часто опускаются тогда, когда они не способствуют тому впечатлению, которое поэт желает передать[90]. Присциан не использует такие эпические элементы как мифологические аллюзии и персонификации, которые характерны для Клавдиана и Сидония, его предшественников в области латинского стихотворного панегирика[91]. Организуя свой материал, Присциан размывает традиционные отличия между временами войны и временами мира[92]. Во второй части панегирика, посвященной преимущественно временам мира, Присциан вставляет описание Анастасиева триумфа над вождями исаврийцев и аллюзии на войны с персами (Pan. 254-260), которые приводятся как примеры божественного покровительства императору.

---

[90] Менандр Ритор (370) советует ораторам включать их темы, только если они добавляют императору престижа. Прокопий Газский опускает рождение и образование, но включает похвалу родному городу Анастасия Дирраxию, так как это дает ему возможность объявить Геракла и Зевса прародителями императора.

[91] Присциан намекает на изменения в содержании, которые он привнес.

[92] Менандр Ритор утверждает, что военное время должно предшествовать времени мира (372), а Присциан, кроме оговоренных случаев, следует своим путем в этом вопросе.

Собственно Присцианов образ императора также оказывает влияние на структуру поэмы. Вместо простого движения от предмета к предмету, в линейной последовательности строк по направлению от введения к заключению, Присциан накладывает вокруг композиции поэмы центральную кульминационную сцену. Он располагает в центре панегирика описание двух событий, объединенных их общим положением на Ипподроме: первый комит сжигает податные записи[93], с Анастасием в роли священника и посредника, восседающего над подношениями Богу. Затем его роль меняется. Анастасий как победоносный император празднует триумф и, в отличие от предыдущих триумфаторов, он обращается с благодарностью к истинному Богу (Pan. 171-179). Эта кульминационная сцена, помещенная на месте, где Анастасий был провозглашен императором, превозносит отношения между Богом и императором, божественным и Божьим инструментом земли в войне и мире, и дает этим отношениям определение.

Настойчивость Присциана в показе Богоданной природы власти Анастасия и его акцент на Божественное покровительство императору против его врагов говорит о том, что панегирик был написан во времена, когда император очень нуждался в поддержке и легитимизации своей власти. Между 503 и 515 гг., когда поэма должна была сочиняться, самые серьезные угрозы трону Анастасия имели место ближе к концу этого периода, с 511 по 515 г., когда религиозные споры вызывали заговоры и восстания.

Акакиева схизма отделила Рим от восточной церкви с 484 г. Сами же восточные провинции, особенно Сирия и Палестина, были раздираемы конфликтами между сторонниками доктрины Халкидонского собора и монофизитами. Несмотря на свои личные монофизитские убеждения, Анастасий обещал при своем воцарении уважать халкидонские постановления и, в ранней части своего правления он пытался следовать среднему кур-

---

[93] Прокопий Газский двигается от темы к теме, почти точно следуя порядку, рекомендованному Менандром Ритором.

су, взывая к приверженцам Энотикона Зенона[94]. Однако, с 511 г., ради небольшой надежды на религиозное объединение с Римом под влиянием непримиримого анти-византийски настроенного папы Симмаха и с возрастающими религиозными раздорами в Сирии и Палестине, Анастасий все больше и больше открыто поддерживал дело монифизитов[95].

Когда император начал осуществлять свою про-монофизитскую политику, он столкнулся с серьезными проблемами в отношениях с народом и клиром Константинополя. Столица преимущественно поддерживала халкидонитов в их доктрине, и патриарх Македоний не симпатизировал монофизитским наклонностям Анастасия. Анастасий был полон решимости избавиться от патриарха, и в августе 511 г. Македоний был объявлен сенатом бунтовщиком и еретиком, и был сослан[96]. На следующий год другой про-халкидонский епископ Флавий Антиохийский был смещен и заменен Севером, одним из влиятельных лидеров монофизитов[97]. В том же самом году в Константинополе новый патриарх Тимофей ввел монофизитский вариант «Трисвятого» в литургию храма св. Софии. Народ Константинополя возмутился и потребовал, чтобы полководец Ариобинд был провозглашен императором. Мятежи были подавлены только когда старый император появился на Ипподроме без своей короны и объявил о намерении отречься от престола. Этот драматический жест успокоил толпу, и порядок был восстановлен (Evagr. HE III, 32; Theoph. AM 6004.).

---

[94] *Dwornik F.* Pope Gelasius and the Emperor Anastasius I // Byzantinische Zeitschrift. 44. 1951. P. 111-116.

[95] См. ст. 164-170.

[96] О дискуссии о религиозных противоречиях и о том, как это повлияло на политику Анастасия, см.: *Charanis P.* Church and State in the Later Roman Empire: The Religious policy of Anastasius the First, 491-518. Madison 1939; *Capicci C.* L'Imperatore Anastasio I (491-518) // Orientalia Analecta. 184. Rome, 1969. P. 100-137. В более общем плане см.: *Frend W.H.C.* The Rise of Monophysite Movement. Cambr., 1972. Текст «Энотикона» Зенона, который пытался избежать трудностей принятия Никейского и Константинопольского символа веры, и осуждал ереси Нестория и Евтихия, но не уточнял, одну или две природы имеет Христос, можно найти в Evagr. Hist. Eccl. III, 1.

[97] О современных свидетельствах о деле против Македония и реакции на него в Константинополе см.: Zachar. Mityl. Chron. VII, 8.

На этом беды Анастасия не закончились. В 513 г., обозленный императорским отказом от снабжения войск федератов, восстал Виталиан, комит федератов во Фракии (Evagr. HE III, 44; Theoph. AM 6005; Marcell. Com. Chron., s.a. 512). Он получил поддержку регулярных войск во Фракии и множества местных жителей. Собрав многочисленные силы, он объявил о своей поддержке дела халкидонитов и смещенных епископов Македония и Флавия, после чего двинулся на Константинополь. Император договорился о выводе восставших войск, согласившись устранить причины недовольства фракийской армии, а также согласился примирить религиозные споры с помощью посредничества папы. Тогда Виталиан возвратился во Фракию, однако, Анастасий направил против него войска во главе с Кириллом, военным магистром Фракии. Когда Виталиан разбил императорскую армию и убил Кирилла, Анастасий на заседании сената в Константинополе провозгласил Виталиана общественным врагом и отправил против него второе войско во главе со своим племянником Ипатием. После некоторых успехов в начале, Ипатий также был разбит и взят в плен с целью получения выкупа[98].

В 514 г. Виталиан снова двинулся на Константинополь, и опять Анастасий договорился с поселениями и восставшими вождями. Император уступил требованиями Виталиана о его назначении военным магистром Фракии и о созыве церковного собора под председательством папы в Гераклее в 515 г. Анастасий вступил в переписку с папой Хормиздой о предложенном соборе, но достичь согласия им не удалось, и собор в конечном итоге созван не был. Затем Виталиан в третий раз атаковал Константинополь как с суши, так и с моря. На этот раз императорские войска под командованием бывшего префекта претория Марина разбили и флот, и сухопутную армию повстанцев, а Виталиан бежал во Фракию, где он оставался все оставшееся время правления Анастасия.

---

[98] Основной источник о восстании Виталиана – Иоанн Антиохийский, фр. 214е. Также см.: Theoph. AM 6006; Evagr. HE III, 43. О датировке восстания см.: *Brooks S.W.* The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius // The Cambridge Medieval History / Ed. H.M. Gwatkin, J.R. Whitney. Cambridge, 1924. P. 485.

В эти беспокойные годы религиозные споры подрывали авторитет Анастасия[99], заговоры и мятежи угрожали его трону. В такой ситуации панегирист вполне мог сотворить образ богоданного и находящегося под божественным покровительством правителя, чтобы поддержать императора в его пошатнувшемся положении. Если «Панегирик Анастасию» поместить в такой контекст, то многие пассажи в поэме становятся более понятными, а датировка поэмы именно этим периодом получает новую поддержку.

Наиболее важное из подобных мест – ст. 299: «*Qui Scythicas gentes ripis depellit ab Histri*». Под существительным к глаголу *depellit*, который обозначает передвижение скифских племен с отмелей Истра, скрывается племянник императора Ипатий, а упомянутые здесь скифские племена могут быть идентифицированы с варварскими войсками Виталиана. Сам Виталиан в одном из источников описан как скиф[100]. Кампания Ипатия против Виталиана и успехи, которых Ипатий достиг в борьбе с восставшим вождем до итоговой сдачи последнего и разгрома, датируются осенью 513 г. (Josh. Styl. Chron., 60; Procop. De bello Pers., 18, 3). Если такая интерпретация данной строки корректна, то панегирик должен быть датирован этим временем.

Самая цитируемая строка панегирика – ст. 265: «*Utraque Roma tibi iam spero pareat uni*» - также одна из наиболее трудных для интерпретации[101]. Из контекста этой строки видно, в чем ее важность, так как она дает ключ к смыслу, особенно если мы понимаем поэму как скрытую аллюзию на восстание Виталиана. Строка находится в направлении финала панегирика, где Присциан в заключение пересматривает свое утверждение о божественном происхождении и покровительстве императора. Строка отсылает к местам о Персидской войне, которые содержат предупреждение о том, что Бог расправится со всеми врагами Анастасия, как Он сделал это с персами (ст. 261-264). Затем

---

[99] *Charanis P.* Church and State in the Later Roman Empire: the religious policy of Anastasius the First, 491-518. Madison, 1939.

[100] Подробнее см. ст. 299.

[101] *Shauvot A.* Observations sur la date… P. 549.

Присциан прибавляет пожелание о том, что оба Рима могут покориться одному Анастасию «с помощью всемогущего Отца, который видит все вещи» (ст. 265-270). В конце дается сообщение о бедствиях на море, из которых Анастасий был чудесным образом спасен, благодаря своему благочестию (ст. 270-279). Акцент совершенно ясен: любовь, явленная Богом Анастасию, связана с угрозой того, что Бог отомстит врагам императора.

В Риме и Италии и Теодорих, и папа Хормизда симпатизировали Виталиану, который имел также и другие контакты с западом. Желание Присциана, что оба Рима окажутся под властью Анастасия, может быть аллюзией на эту ситуацию (John. Antioch. 214e; Theoph. AM 6006), хотя и смутную, и неопределенную, так как сохранялась деликатная ситуация в отношениях между западом и востоком, папой и императором, а также возможные трудности для Анастасия со своим собственным двором.

Один аргумент против поздней даты панегирика и предпочтение даты 503 г. состоит в том, что Присциан делает небольшое упоминание о войне против персов, начавшейся в 503 г. и окончившейся в 507 г. В панегирике есть две аллюзии на Персидскую войну: ст. 300 сообщает о командовании Ипатия против персов в 503 г., а еще ранее в поэме Присциан описывает, как Бог отразил персов от пределов империи (ст. 254-260)[102].

Присциан говорит об этом так, как если бы война была уже окончена, но это сообщение весьма кратко и содержит совсем немного подробностей. Таким образом, ссылки на войну становятся неощутимыми, если поэму датировать 503 годом, первым годом кампании, но они становятся более понятными, если поэму поместить в контекст восстания Виталиана.

Персидская война была борьбой против внешнего врага, которая имела место далеко от Константинополя. Гораздо более тяжелая ситуация была в случае с восстанием Виталиана – внутренним конфликтом, затронувшим саму столицу. Персидская война не оказала серьезного влияния ни на популярность Ана-

---

[102] Конечно, ссылки на запад не вписываются в дату 503 г., когда Анастасий только что вступил в столкновение с персами, и кампания развивалась неудачно.

стасия, ни на безопасность его трона. Также Персидская война оказала малое влияние на текущий кризис, поэтому не было необходимости подробно останавливаться на детальном изображении этих событий в поэме. Краткость данного сообщения может быть также объяснена тем фактом, что Виталиан и его отец вместе сражались среди римских сил против персов[103], и Присциан не хотел напоминать этот факт своим слушателям. Однако, люди, командовавшие римской армией в войне против персов – Ариобинд, Патрикий, Ипатий и Целер – были, исключая Ипатия, в дружеских отношениях с Виталианом или были замешаны в непопулярное смещение Македония и последующие заговоры в 512 г. (Josh. Styl. Chron., 60; Procop. De bello Pers., 18, 3). Тактичный панегирист не мог поэтому остановиться на Персидской войне. Упоминания Присциана о роли Ипатия начинаются с того времени, как он стал командующим армией против Виталиана. Кроме того, он использует Персидскую войну как еще один пример божественного покровительства Анастасия и империи, и как предостережение всем, кто угрожал ее безопасности.

Если Присциан только кратко описывает Персидскую войну, то он посвящает всю первую половину панегирика Исаврийской войне. С тех пор, как эта война имела место в первые годы правления Анастасия, ее известность в поэме может быть использована для поддержки ранней даты панегирика[104]. Фактически, Присциан дает несколько конкретных деталей этой войны, как он мог и должен был сделать, если он описывал недав-

---

[103] *Cameron A.* The Date of Priscian's De Laude Anastasii… - не упоминает от этих строках.

[104] Об Ариобинде как об одном из командующих в войне против персов см.: Josh. Styl. Chron., 54. Он был призван императором на борьбу с бунтовщиками в 512 г. (Marc. Com. Chrom., s.a. 512; John. Nik. Chron. 89, 9, 8). О роли Патрикия в Персидской войне см.: Josh. Styl. Chron., 54. Он пытался усмирить восставших в 512 г. (Marc. Com. Chrom., s.a. 512). Он был благодетелем для Виталиана (John. Antioch. 214e) и отказался от командования войском, направленным против него, в 515 г.; так их дружба привела Патрикия к обвинению в измене (Malala 404). Целер стал главнокомандующим на войне против персов в 504 г. (Josh. Styl. Chron., 66). Он был вовлечен в усилия, направленные на смещение Македония и был отправлен с Патрикием усмирить восставших в 512 г. (Marc. Com. Chrom., s.a. 512).

ние события. Скорее, он использовал войну как противопоставление приукрашиванию своей поэмы красивыми эпизодами, сравнениями и примерами. Более важно, что его сообщение об Исаврийской войне передает военную атмосферу поэмы, которая присуща скорее кризису 513 г.[105]

Подобно Виталиану и его войскам, исавры – мятежники[106], развязавшие гражданскую войну против своего законного правителя. Гражданский аспект конфликта подчеркивается Присциановыми реминисценциями из Вергилия и Лукана[107]. В дополнение к этому, Присциан недвусмысленно связывает успехи императорской армии с храбростью (robor), но не с взяточничеством (pretium). Финансовые меры, предпринятые Анастасием, по уменьшению снабжения федератских войск во Фракии, стали фактором, побудившим Виталиана к восстанию (John. Antioch. 214e.), и Присциан, может быть, делает косвенные намеки на эту проблему и ее результат. Таким образом, Присциан использует Исаврийскую войну для комментирования современных событий, и его акцент на месть Бога против исавров и Его кары за их преступления связаны с результатом войны против Виталиана.

Три других пассажа могут служить аргументами для поздней даты панегирика. Строки 192-194, возможно, упоминают институт виндиков, который, как обычно считается, был учрежден после 510 г. Похвала брату Анастасия, племянникам и императрице Ариадне, которые обеспечили провозглашение Анастасия императором, может указывать на заинтересованность в праве наследования, которое должно более соответствовать последним годам его правления. Упоминания членов семьи Анастасия также могут быть предназначены для демонстрации сильной поддержки императора в его семье.

Панегирик заканчивается пожеланиями того, чтобы варвары были покорены, и чтобы молитвы народа и священного сената были услышаны. Этими варварами, возможно, были войска Виталиана; молитвы обозначали аллюзии на религиозные

---

[105] *Cameron A*. The Date of Priscian's De Laude Anastasii… P. 315.
[106] О восставших исаврах см. ст. 52-53.
[107] См. ст. 115-118.

службы, которыми была отпразднована победа Ипатия над повстанцами (John. Antioch. 214e).

Нельзя безусловно утверждать, что «Похвала Анастасию» была сочинена осенью 513 г., так как ни одна ссылка не дает точных и безусловных доказательств этой датировки. Тем не менее, суммарный результат аллюзий и косвенных указаний поддерживает скорее позднюю датировку поэмы, в совокупности с общим впечатлением, производимым панегириком, развитием образа Анастасия как Божьей милостью назначенного и покровительствуемого императора, и выдержек из стиля и содержания более ранних панегириков – необходимо создают этот образ. Это самый сильный аргумент в пользу того мнения, что поэма находится в контексте восстания Виталиана[108] и религиозного кризиса 511-515 гг. Если принять дату 513 г., то еще одним подходящим случаем для создания панегирика могли стать празднества, которыми Анастасий встретил первые сообщения о победах Ипатия над восставшими[109].

Панегирик также создавался в такой ситуации, которая была частью пропагандистской кампании против Виталиана[110]. В ответ на претензии Виталиана на власть над халкидонитами, Присциан демонстрировал божественную санкцию Анастасия на власть. Военная угроза противоречила сообщениям о Божьей мести врагам Анастасия, персам и исаврам. Более того, Присциан рисует образ Анастасия как воплощение имперской доблести, образ Бога, гарант мира, процветания и справедливости для своих подданных. Образ императора есть главный посыл панегири-

---

[108] *Cameron A.* The Death of Vitalian (520 A.D.) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 48. 1982. - S. 93-94.

[109] *Cameron, Alan.* The Date of Priscian's De laude Anastasii // Greek, Roman and Byzantine Studies. 15. 1974. - P. 313-316.

[110] Анастасий поместил бронзовые кресты (распятия) над воротами Константинополя с указанием причин восстания (John. Antioch. 214e). Характеристики Виталиана как варвара см.: «Муж Готский» (Zach. HE VII, 13, 82), «Виталиан Скиф» (Marc. Com. Chrom., s.a. 514, 519) могут быть рефлексиями имперской пропаганды, направленными на снижение образа Виталиана и его восставших войск (см.: *Shauvot A.* Observations sur la date… P. 547; *Stein E.* Histoire de Bas-Empire. P., 1949. II. P. 178-179).

ка. Следовательно, косвенно и современный читатель смущен; здесь упоминаются актуальные события.

Идея панегирика также хорошо просматривается в отношении придворных Анастасия, военных командиров и знати. Император, возможно, имел причину подозревать их в нелояльности и должен был ощущать потребность в оправдательном панегирике. Большинство чиновников и знати, кажется, было сторонниками Халкидона, не сочувствовавшими основам религиозной политики императора. Целер, Юлиана Аниция, жена Ариобинда, племянник императора Помпей с супругой, и даже императрица Ариадна, были халкидонитами. Феофан в «Хронике» (АМ 6004) рассказывает, что Ариадна и многие придворные были расстроены смещением Македония. Мы знаем, что Иоанн и Патрикий отказались от командования армией, направленной против Виталиана в 515 г., потому что они были смещены из-за своей дружбы с Виталианом, и это послужило поводом для их обвинения в государственной измене.

Среди чиновников Анастасия были также выходцы из западных провинций и те, кто имел связи с западом. Присциан подчеркивает великодушие и щедроты Анастасия к тем, кто был направлен из Рима на восток, и продолжает хвалить императора за то, что он доверил ведение дел людям, литературно образованным[111]. Как и сам Присциан, эти люди должны были иметь друзей и связи на западе. Одним из способов защиты против возможной нелояльности людей из этих кругов и был панегирик. Это, конечно, не было способом придать эффективность поэме, но Анастасий действительно встал у власти, и серьезные внутренние потрясения сохранял под контролем[112].

Поэзия поздней античности - посредник между более ранними императорскими панегириками[113], но немногие из тех, что составляли большой корпус стихотворных панегириков, сохранились; поэтому трудно проследить развитие этого литературного жанра.

---

[111] Ст. 245-253.

[112] *Capizzi C.* L’imperatore Anastasio I (491-518). Rome, 1969.

[113] Светоний указывает на неудовольствие Августа быть объектом низкопробных стихотворных панегириков.

Сохранившиеся стихи латинских панегириков распадаются на две основные категории: пасторальный панегирик преимущественно поэтов первых веков н.э.[114] и эпический панегирик, возникший на основе возрождения интереса к стихотворным панегирикам в эпоху Поздней империи. В контексте поздних императорских панегириков, сравнивая «Похвалу Анастасию» с хвалебными поэмами Клавдиана, Сидония и Кориппа, мы предполагаем, что по форме и содержанию стихотворных панегириков есть большое расхождение между западом и востоком. Также можно увидеть в поэме Присциана робкие начала процесса христианизации светского жанра панегирика, процесса, который, в свою очередь, имеет причастность к путям, на которых стихотворный панегирик мог быть создан.

Основные темы и структура императорских панегириков, деяния императора на войне и в мире, организованы вокруг проявлений его основных доблестей, уже давно установленных, и ораторов, могущих обратиться к правилам риторических учебников, таких как Менандра Ритора. Панегиристы конца IV – V вв. Клавдиан и Сидоний связывали свои риторические элементы с эпическими особенностями, которые включали эпические сравнения, персонификации, речи, продуманные описания людей, мест и объектов, и частые мифологические и исторические аллюзии. В самом деле, зачастую затруднительно провести четкую черту между эпосом и панегириком в данных трудах[115].

Присциан хронологически располагается между Клавдианом и Сидонием, с одной стороны, и Кориппом, с другой, и его панегирик мало похож на другие – как более ранние, так и более поздние панегирики. Структура и содержание «Похвалы Анастасию» в значительной мере зависят от риторической традиции, хотя надо отметить, что его стихи, прежде всего, придерживаются схемы Менандра. Кроме того, риторическая структура «Похвалы Анастасию» гораздо более очевидна, чем у панегири-

---

[114] «Эйнзильденские эклоги», во-первых, далее – 4 и 7 эклоги Кальпурния Сикула, а также Стаций, «Сильвы» IV, 1-2 – все восхваляют императора в пасторальных тонах.

[115] Об анализе эпических особенностей поэзии Клавдиана см.: *Cameron A*. Claudian. P. 260-266.

ков Клавдиана и Сидония, потому что эпические элементы, включенные этими поэтами, в значительной степени отсутствуют. Присциан не включает персонификации, речи, божественную машинерию или мифологические аллюзии; его сравнения меньше и менее сложны. Присциан не связывает эпический формат своих предшественников в стихах панегирика, потому что поэт, пишущий на востоке, в Константинополе, своим стилем не должен был долго служить цели, для которой императорский панегирик был предназначен – императорского права на правление, власть.

Хотя панегирики были написаны в похвалу христианским императорам, Клавдиан и Сидоний использовали рамки языческой мифологии в их изображениях современных им событий и освещали современность с позиций славного римского прошлого. Оба поэта писали для слушателей из культурной западной аристократии, образованной в языческой литературе и риторической традиции, и гордых за великие римские свершения. В своем использовании мифа, аллегорических фигур и исторических примеров, Клавдиан и Сидоний демонстрировали преемственность между прошлым и настоящим, и окружающими людьми в контексте панегириков с внешними украшениями эпоса, надеясь сделать их приемлемыми для римской или галльской знати.

Ни Клавдиан, ни Сидоний, ни позднейшие прозаические панегиристы остроготских королей Эннодий и Кассиодор не включали темы божественного выбора правителя в свои панегирики. Однако, на востоке религиозные и политические соображения предписывали, что санкцией свыше для императорской власти была воля Божья. Таким образом, Присциан, который, возможно, писал свой панегирик для поддержки Анастасия во время кризиса, сделал императорское божественное право на власть своей главной темой. В результате, Присциан сталкивается с проблемой написания светской поэмы, в которой главной темой должен быть христианин в экспрессии (христианская выразительность). Мифологические аллюзии, персонификации и языческая божественная машинерия не должны были иметь места, и он пропускает их вместе с еще большими эпическими элементами, которые доминируют в поэзии Клавдиана и Сидо-

ния. Присциан осведомлен, что он порывает с данной традицией стихотворного панегирика, и он сообщает своим слушателям об этом в своем предисловии[116].

Присциан не заменяет эпические элементы специфическими христианскими мотивами и языком[117]; христианские читатели давно приспособились к словарю, называющему Юпитером христианского Бога; такие ссылки на божество не были проблемой. Кроме того, библейские аллюзии на патриарха Иосифа были определенным отголоском библейского языка и идей[118]. Помимо этих особенностей, главный христианский аспект поэмы – тема богоданности и божественного покровительства императору. Корипп, который включил в свою поэму молитвы, видение Девы и парафраз Символа Веры, использовал язык христианских поэтов и идет дальше Присциана в христианизации жанра панегирика. Однако, Корипп не достиг полного синтеза светского и христианского мышления и языка, и, как и в поэме Присциана, большинство ее христианских элементов сосредоточено вокруг темы божественным образом предопределенного права императора на трон[119].

Так как его христианские темы делают пастораль и эпос несоединимыми в рамках одной модели, Присциан пытается найти другой прием конструирования поэмы в честь Анастасия. Его решение проблемы – очень простое: он берет темы и организует их в рамках учебников риторики, адаптируя их к своему видению императора, и затем украшает эту основную структуру поэтическим стилем и фигурами речи. Его техника в сравнении следовала за авторами «Панегирика Мессале» и «Похвалы Пизонам» и, по форме и содержанию, эти три панегирика – два из

---

[116] *Previale L.* Teoria e prassi del panegirico bizantino // Emerita. 17. 1949. P. 77.

[117] *Ficarra R.* Motivi et orientamenti cristiani nel De laude Anastasii di Prisciano // In Studii in onore di Anthos Ardizzioni. Rome, 1978. P. 357-371.

[118] Об Иосифе см. ст. 208-217, о библейских отголосках – ст. 198, 231, 253.

[119] О «Панегирике Юстину» как о христианской поэме см.: *Cameron Av.* Corippus. P. 8-10.

ранней империи и один из поздней, тесно связаны[120]. Язык Присциана и его поэтические украшения, однако, лишены откровенно языческих обертонов и образности более ранних произведений.

К сожалению, такая конструкция стихотворного панегирика из-за своего сверхнатурализма не вполне удовлетворительна. Сочетание поэтических украшений с риторической структурой развивает оригинальность для прозы, но может быть неуместным в других случаях. Стихотворные панегирики становятся лучше, когда они понимаются как специфический жанр поэзии, так что характерные особенности жанра преобладают, или скрываются риторические основы и унифицируется всё литературное сооружение. Такой поэтический панегирик создавался в IV в., когда Клавдиан развивал новый строй эпического панегирика. Почему, когда эпос оказался несовместим с его образом императора, Присциан сделал шаг назад в технике риторической основы, украшенной поэтическими приемами - взамен движения стихотворного панегирика в новом направлении, как делал Корипп, когда он заменял нарратив тематическим приспособлением риторической традиции; это вопрос, который должен быть задан, но на него не может быть дан однозначный ответ. Возможно, что подавляющий авторитет классической литературной традиции, в которой он был воспитан, и в которой он сам работал, сделал инновации невозможными для Присциана.

Соединять в одном лице занятия поэта и грамматика было вполне обычно для Поздней империи[121], и «Похвала Анастасию» Присциана есть компетентный, профессиональный продукт. Хотя его соединение риторической структуры и поэтических украшений, в конечном счете, неудовлетворительно, потому что компоненты несовместимы, Присциан – опытный мастер, ремесленник, который хорошо знаком со своим риторическим и

---

[120] «Панегирик Мессале», включаемый в корпус Тибулла – самый ранний из сохранившихся стихотворных латинских панегириков, тогда как «Похвала Пизонам» датируется временем Нерона. Обе поэмы сопоставимы с «Похвалой Анастасию» по размеру – 212 и 261 строка соответственно, а также с ясно выраженным риторическим налетом.

[121] *Cameron A.* Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egipt // Historia. 14. 1965. P. 491-497.

поэтическим инструментарием, и который часто использует его со значительным эффектом.

Одна из наиболее успешных манипуляций со звуковыми эффектами в поэме содержится в описании Присцианом *venationes*, объявленных Анастасием вне закона (ст. 224-227). Хотя аллитерации и ассонансы повторяют звук r в конце двух строк, подчеркивая жестокость игр, есть ощущение, что сам Присциан получал от этого удовольствие.

Присциан дает только две основные модели образности во всей поэме, но эти два – образ солнца и образ «десницы Божьей», успешно избраны, подчеркивая тему панегирика и Присцианово видение Анастасия. Образы точно распределены и помещены в важный контекст. На первый взгляд, солярные образы встречаются близко к началу панегирика, в сцене описания триумфа Помпея (ст. 13-14). В центральной сцене панегирика Солнце созерцает сожжение долговых записей на Ипподроме (ст. 166-170). Наконец, в заключительной части панегирика Присциан объясняет, что Бог накажет и прогонит прочь всех врагов Анастасия (ст. 261-264).

Присциан вкладывает в свой солярный образ два уровня смыслов. В первом и третьем пассаже описания солнечных физических путешествий через небеса с востока на запад создают ощущение идеальной единой империи под управлением Анастасия, и на самом деле, второе упоминание следует за пожеланием, чтобы оба Рима повиновались одному Анастасию.

Более существенно то, что, в христианском аспекте, хотя Христос и отождествляется с солнцем, эта идентификация не может быть явной в поэме, и Присциан рассчитывает, что его современники должны увидеть в «золотом солнце» (ст. 168), которое смотрит вниз и радуется уничтожению налоговых записей с их бременем страданий, библейского Христа, «Солнце правды», или «Солнце здоровья».

Более того, Присциан описывает Анастасия как fulgens (блистающего), что есть отражение самого солнца, представляющего Бога на земле. Образ солнца в предыдущем пассаже может одинаково легко может быть интерпретирован с христианскими коннотациями слушателей Присциана. Здесь Христос является как «Непобедимое Солнце» в солнечной квадриге, как он

изображен, например, на хорошо известной мозаике из Ватикана. Таким образом, солярная образность используется Присцианом для усиления образа Анастасия как богоизбранного правителя[122].

Образ руки Божьей также появляется три раза в панегирике и, как и с солнечной образностью, и избран автором также с целью подчеркнуть богоизбранность права на правление Анастасия, и действительно, в силу его природной непосредственности, это ведет даже к более прямым указаниям на тему, нежели образ солнца.

В первой части поэмы образ руки Господней есть символ божественной мести и правосудия. Отец, который держит все вещи в своей правой руке, и который держит в своих руках весы правосудия, карает исавров за их преступления, причиняя безумие им – тем, кто двинулся на войну против императора (ст. 55-60). Как только война началась, полыхающая рука всевышнего Отца (ст. 101) поражает исавров на суще и на море. По контрасту, третье упоминание, которое содержится во второй части поэмы, называет руку Божью символом спасения. Эта рука Господня спасает Анастасия от вреда, как и он сам спасает благочестивых людей на протяжении столетий (ст. 283)[123].

Использование Присцианом образов показывает его с лучшей стороны как поэта и панегириста. Его образы не оригинальны, но они должны иметь убедительный авторитет и привлекательность для его аудитории. Образ солнца как божественного прообраза императорской власти и то, что рука Господня поддерживает и покровительствует императору, были привычны

---

[122] О развитии солярного монотеизма см.: *Halsberghe G.H.* The Cult of Sol Invictus. Leiden, 1972. О восточном происхождении солярного символизма см.: *L'Orange P.H.* Studies on the Iconography of Cosmic Kingship in the Ancient World. Oslo, 1953. О солярных образах в христианском искусстве и литературе см.: *Kantorowicz E.* Oriens Augusti: Lever du Roi // Dumbarton Oaks Papers. 17. 1963. P. 119-177; *Dolger F.* Sol Salutis, Gebet und Gesang im christlichen Altertum // Liturgiegeschichtliche Forschungen. Vol. 4-5. Munster, 1920. Описание Ватиканских мозаик см.: *Kantorowicz E.* Oriens Augusti… P. 44-45. Об использовании солярной образности отдельными авторами см.: *Cameron Av.* Corippus. P. 160-163; *Drake H.* In praise of Constantine. P. 73-74.

[123] О дальнейшей дискуссии об образе «руки Господней» см. ст. 55.

как языческой литературе и искусству, так и христианскому искусству и политической и религиозной теории.

Своим использованием этих образов Присциан как поэт обнаружил свое знание классической литературной традиции, которую он унаследовал от поэзии прошлого и современной ему христианской. Панегирист Присциан демонстрирует двойную мощь в общепринятых образах, поддерживающих правление Анастасия.

Если использование Присцианом образности показывает его нам с лучшей стороны, то сравнения раскрывают проблемы, присущие тому типу стихотворных панегириков, который он пишет. Два больших сравнения касаются описаний Анастасия, по одному в каждой половине поэмы.

В плане разработки своих описаний деяний Анастасия на войне, Присциан естественно дает широкие заимствования из эпических поэтов, создавая подлинно военную атмосферу, и под их влиянием он дополняет длинные строки литературными достопримечательностями. Анастасий, который победил исавров, сравнивается со львом, который нападает и побеждает своих противников. Однако, как подобает эпическому герою, нет его сравнительных изображений во время мира в «Похвале Анастасию». В первом месте, как было известно слушателям Присциана, и чтобы сделать в поэме явную передышку, Анастасий не ведет императорскую армию против исавров.

Тем не менее, образ свирепого льва не подходит картине Анастасия, представленной в других местах панегирика, где утверждается, что Божественное правосудие и месть превалируют над инстинктивным милосердием Анастасия. Фактически, сравнение, прилагаемое к Анастасию, принижает образ Бога-мстителя, которым Присциан создает сердцевину в изображении войны.

В результате, сравнение становится слишком длинным – 11 строк из 135, посвященных Исаврийской войне. Непропорциональная длина и разработка деталей делают это сравнение отличным примером поэтического украшения, приложенного к неподходящей структуре. Замечательно также, что это сравнение нуждается в эпическом контексте, и это – тот самый контекст, который Присциан сознательно отторгает.

Во второй части поэмы Анастасий - правитель империи в мире - сравнивается с библейским патриархом Иосифом (ст. 210-217). Хотя заслуги мудрого администратора Египта делают подходящими параллели с императором, явно христианская природа аллюзии неуместна в поэме, в которой Присциан повсеместно старается использовать язык и образность как классических, так и христианских коннотаций. В дополнение к этому, не подражая классическим образцам, сравнения бредут вдоль прозы, отделяя от сути панегирика стиль, а также содержание.

Между этими двумя метафорами Анастасия - свирепого льва и провиденциального патриарха - Присциан устанавливает середину, водораздел между классическим прошлым и христианским настоящим. В его вступлении в часть, где император изображается во времена мира, Присциан сравнивает успехи Анастасия и его неспособность выразить их, со жрицами Аполлона, которые знают все вещи, но не могут явно показать это (ст. 140-144).

Образ поэта как барда, вдохновленного Аполлоном, имеет безупречное происхождение в классической литературе, но это сравнение очень подходит поэту, который поет молитвы такому христианскому императору как Анастасий. Присциан здесь выбрал традицию, и, будучи честным, сравнил себя с соответствующей библейской фигурой – Давидом, например, но это должно было быть также неуместно.

Возможно, это сравнение – не более, чем какое-либо другое в поэме, нужно для того, чтобы подвести итоги относительно трудностей Присциана, невозможного примирения классического и христианского.

Многие из поэтических качеств панегирика произрастают из Присциановых подражаний латинским эпическим авторам, особенно Вергилию, Лукану, Клавдиану и Овидию. Эти подражания делятся на три основные категории. Первая группа представляет собой фразы, которые сознательно не заимствованы из каких-либо авторов. Это такие выражения как *tonans* (ст. 126), *semina belli* (ст. 18), *noctesque diesque* (ст. 247) и *rector Olympi* (ст. 162), которые являются частью обменного фонда

общего эпического словаря[124] и использовались во фразах многих поэтов, писавших в классической традиции.

Вторая группа представляет собой осознанные заимствования из классических авторов, которые призваны показать знания и виртуозность использующих их авторов[125]. В панегирике эти подражания служат представлением компетентности автора как человека письменной культуры, достойным похвалы императора, несмотря на то, что законы жанра требовали определенных ограничений от поэта. Большинство Присциановых подражаний из ранних авторов вполне типичны. Наиболее примечательны заимствования из Лукана и Овидия в начале поэмы, подготавливающие упоминание Помпея как предшественника (прообраз) Анастасия[126]. Слушатели должны были опознать цитаты, но при этом должны только оценивать уместность упоминаний Помпея. Позднее в поэме лев сравнивается с описанием поля боя после разгрома исавров в сочетании оригинальных элементов с заимствованиями из латинских эпических поэтов.

Третья группа заимствований состоит из тех, что Присциан использовал, чтобы подчеркнуть тему и смысл своего панегирика. Источники Присциановых заимствований здесь становятся очевидными. Лукан, Вергилий и Клавдиан здесь наиболее важны. Отголоски последних шести книг «Энеиды» и «Фарсалии» напоминают об ужасах войны, особенно гражданской, и помогают Присциану предложить идею о том, что Исаврийская война, и сходное с ней восстание Виталиана, есть также гражданские войны.

Аналогии никогда не подчеркиваются, но подразумевают заимствования из «Энеиды» и «Фарсалии» для внимательного слушателя и должны быть очевидны для хорошо информированных современников. Такие подражания ограничены частью панегирика, связанной с Исаврийской войной.

---

[124] См. ст. 50-66 и 130-132 о милосердии, проявленном Анастасием к исаврам.

[125] Об использовании imitatio в латинской литературе см.: *Russell D.A.* De Imitatio // Creative Imitation and Latin Literature / Eds. T. West, T. Woodman. Cambridge, 1979. P. 1-16.

[126] *Croke, Brian*. Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey // Greek, Roman and Byzantine studies. 48. 2008. P. 447-466.

Подобным же образом используются заимствования из Клавдиана, встречающиеся в некоторых пассажах в конце поэмы, но они более робкие и неоригинальные.

Эти отголоски Клавдиана, его сцен войн Стилихона против варваров, могут вызвать ассоциации с угрозой Виталиана и его варварских войск, даже если сами подражания не встречаются в пассажах, связанных с войной[127].

Как Присциан подражает словарю и образности более ранних латинских поэтов, так же он приспосабливает стандарты, установленные этими поэтами в их просодии и версификации.

Метрические особенности всех поэтических произведений Присциана детально изучил в свое время Д. Дратшмидт.

Об особенностях использования гекзаметра латинскими эпическими поэтами писал Дж. Данкворт[128]. По нему, Присциан часто следовал Вергилию и Лукану.

Словарь Присциана основан на классической латыни, хотя по необходимости он использует слова из языческих и христианских коннотаций (ст. 126, 128, 162, 168, 179). Одно используемое им слово имеет больше общего с христианскими, чем с языческими писателями – это *dominator* (ст. 254).

Сравнительно короткая поэма с трудом обнаруживает предпочтения в использовании слов, но Присциан показывает любовь к слову *sensus* (ст. 21, 208, 305) и *teneo*, используемое как действительное причастие (ст. 26, 177, 179, 188).

Неклассические грамматические конструкции используются в поэме редко, исключая использование индикатива в косвенных вопросах (ст. 271, 278). Также есть некоторое количество неудачных конструкций, которые, как мы видим, встречаются, когда Присциан не следует классическим образцам; тогда в случаях, которые он желает описать, он должен самостоятельно добиваться надлежащих поэтических качеств.

Такие пассажи, следовательно, более часты во второй части поэмы, которая в большей мере связана с описаниями до-

---

[127] Об этих отголосках Клавдиана см. ст. 282-283, 302.

[128] О дискуссии о метрических моделях Присциана см.: *Duckworth C.E.* Variety and Repetition in Vergil’s Hexameters // Transactions of the American Philological Association. 95. 1964. P. 9-65.

стижений Анастасия в мирное время. К примеру, см. сравнение с Иосифом, особенно ст. 208, и описание избавления Богом Анастасия от бедствия на море, в особенности, ст. 275.

Присциан также способен с помощью всего лишь одного слова создать целый контекст связанных между собой образов. Такая техника иносказания замечательна своей краткостью и утонченностью; это лучше всего прослеживается в употреблении Присцианом слова *fulgens* (ст. 170), вызывающим ощущение блеска императорских регалий и одежд, или слова *pascens* (ст. 253), создающим христианский образ доброго пастыря; также *florere* (ст. 264), суммирующего тему *renovatio*.

Можно в заключение отметить умелое использование Присцианом общепринятого поэтического языка и образности, и его осведомленность в политических острых углах, связанных с императором, что делает его успешным панегиристом, но его отказ быть новатором в области поэтического искусства, которое он с очевидностью находит привлекательным, и его собственная академическая ограниченность помешали его истинному поэтическому признанию.

ПРИСЦИАН. ПАНЕГИРИК АНАСТАСИЮ.
Латинский текст

1-10 Capitatio benevolentiae
11-15 Anastasius e stirpe Pompeji
16-20 Anastasius Pompejo major ob Isauros domitos
21-37 Isaurorum, imperante imprime Zenone, flagitia
38-45 Anastasii virtutes
46-49 Anastasius optimis Romanorum imperatoribus comparator
50-54 Anastasius Isauros ex urbe ejicit
55-62 Isauri seditionem movent
63-79 Ab Anastasii copiis vincuntur
80-86 Anastasius Bellerophonti et P. Servilio Isaurico comparator
87-106 Isaurorum strages describitur
107-111 Isaurorum classis in Lyciae litoribus naufragio perit
112-129 Isaurorum stragem prosequitur
130-132 Anastasii erga victos clementia
133-139 Anastasii laude sob delatores ex urbe ejectos
140-148 Poeta e plurimis praeclaris Anastasii factis, quaenam potissimum deligat, anceps haeret
149-161 Chrysargyri vectigal ab Anastasio aboletur
162-170 Tabulae vectigalis hujus notitiam continents in Circo comburuntur
171-179 Isaurorum duces aliquot vivi capti, triumphali pompa per Circum ducti
180-183 Justitia sub Anastasio e caelo redux
184-192 Urbes, muri et portus ab Anastasio restaurantur
193-197 Curia reformatur
198-205 Anastasius magistratus antea venales, gratis confert, et militum delectum instituit
206-217 Granaria construit, hinc Josepho Aegyptio comparantur
218-227 Seditiones reprimit, et hominum cum feris pugnas in Circo abrogate
228-238 Occulta Anastasii beneficia et clementia

239-247 Custodes aulae prudentes viros eligit, et Italis favet
248-253 Doctis praemia concedit
254-260 Arabes Scenitas ad Euphratem tumultuantes, reprimit
261-268 Poetae vota pro Anastasii Gloria
269-288 Anastasius e periculo navali, divina dextra, ob pietatem liberates
289 Anastasii familia
290-293 Pauli, Anastasii fratris, laudes
294-297 Anastasii in fratris filios pietas
298-300 Hypatii, Anastasii e sorore nepotism, praeclara facinora
301-308 Ariadnes imperatricis laudes
309-312 Poetae vota

Summi poetae quae solent in versibus,
Quos imperatorum modulantur laudibus,
Proferre, caelum cum petunt et sidera,
Adversa naturae sequentes impie,
Tibi, sciens, quod displicent nimis pio
Nihil nefandum, nil nisi verum loquar;
Nam qui tribuit mortalibus caelestia,
Sapientium damnatur arbitrio pari;
Et si qua vere praedicat, non creditur,
Cum falsa ceperit camens exordia.
Quare, precor, libenter audias tua,
Quae cuncta non ego potero producere,
Non mille dentur si mihi linguae, simul
Fons ingeni si carmen effundens novum;
Sed parte ferre qua valeo pro viribus,
Decerpta lucem conferat quae cantibus:
Quod more miro fit; solent nam carmina
Addere decus rebus magis quam sumere.
Deo favente jam subibo pondera
Laudis, serenus quae relevant vultus mihi,
Praesens ubique cernitur qui sensibus,
Arcana nudans principis mitissimi.

***

Accipe romanum clementi carmen,
Accipe, quod soleo caelesti reddere regi;
Munere pro vitae, pro pulchro lumine solis:
Namque deum sentis placari carmine tantum,
Quem sequeris princeps animo justissime recto,
Qui tibi regna dedit, cui debes omnia soli
Prospera, quae bellis pariter vel pace tulisti;
Audax nam venio praeconia dicere vestra,
Quae finit caelum, quibus omnis cingitur orbis.
Nec mirum tales, ex tanta stripe creatos
Pompeji, proprio quem culmine Roma locavit,
Cujus quis merito valeat numerare triumphos,
Quos vidit Titan linquens repetensque profundum,
Quos medio veniens steterat miratus Olympo.
Sed tamen egregio, Pompei, cede nepoti;
Namque genus, quod tu terrarum victor ubique,
Indomitum Tauri linquebas collibus altis,
Hic domuit penitus, convellens semina belli,
Quod, celso positum fortunae vertice nuper,
Et nullum finem credens felicibus esse,
Impia condebat terris monumenta doloris,
Vexatis domibus, raptu stuprique furore,
Cum similes omnes ad pessima damna putabant,
Non honor aut aetas potuit defendere quemquam,
Legibus eversis, certo munimine rerum,
Vique potestatem telluris sola tenente.
Tunc pravi scelerum capiebant praemia laeti,
Judiciis numium justos damnare coactis;
Nam vanum nomen retinebant inrita jura,
Umbraque justitiae rebus restabat inanis.
Paupertas nulli tenuis prodesse valebat,
Quae solet esse salus raptorum tempore regum;
Namque dabat poenas, ut non praesentia ferret,
Et stupiut sese damnis majoribus esse,
Quam plenos opibus largis gravibusque metallis:
Corpora nam, spolii si copia nulla dabatur,

Vexabant vinclis, vexabant stipite duro.
Cladibus his tandem caeli rex liberat orbem,
Cum dominum, (melius sed patrem dicere possum),
Praebet Anastasium, tanta pietate vigentem,
In cujus vita virtutes cernimus omnes;
Est justus, sapiens, castus, fortisque, piusque,
Est Clemens, stabilis, moderatus, mitis, honestus,
Et, loquar ut breviter quod sentio corde sub imo,
Possidet hic veterum quidquid laudatur in ullo:
Antoninum hujus pietas, sapientia Marcum,
Et mitem Nervam lenissima pectora vincunt,
Promeruitque Titus non tantum mente benigna,
Gloria magnanimi Trajani cesserat isti;
Nam quis tot domuit simul uno marte tyrannos,
Rupibus adverso quos duxit Isauria fato,
Quos bonitas domini placidissima cedere jussit
Moenibus ex urbis, voluit nec laedere prorsus,
Quamvis supplicium debentes solvere mundo:
Sed non ille Pater, qui sustinet omnia dextra,
Atque pari libra justi monumenta repensat,
Adnuit impune sceleratam linquere gentem;
Nam furor immissus commovit marte nefando,
Et Romae caecos rapiendas traxit ad arces,
Vindicta ut pereant merita lucemque relinquant.
Tristia nam rursus cupientes damna referre,
Et Latiis multo regnis pejora minantes;
Principis invicti felix exercitus armis
Ductoresque fide nec non virtute potentes.
Omnibus adficiunt caelos profugosque ruinis
Cum ducibus sceleris ducentibus improba signa.
Ut leo, qui regnans silva dominatur in alta
Per Libyae saltus, nisi nobilis ira lacessat,
Non movet arma, suas stimulat nec verbere vires;
At si commoveat clamor, si turba coronae
Infremit horrendum simul et distendit hiatus
Sanguineis torquens ardentia lumina flammis
Et ruit in medium, prosternens arma virosque
(Nec vis ulla potest vementi obsistere contra:

Impetus hos frangit, pulsos hos demetit unguis,
Pars lacerate iacent inimici dentibus oris,
Hos metus exanimat pereuntes vulnere nullo):
Viribus Augustus sic saevos perculit hostes
Per varios sternens casus non fanda furentes.
Graecia iam taceat iactans mihi Bellerophontem,
Qui vicit Solymos, ut rursus bella moverent:
At semel hos dominus noster felicibus armis
Sic domuit, post haec ne possint esse rebelles;
Quod nec ductorum Servilius optimus olim,
Pro merito laudum cui nomen Isauricus illo
Marte datum fuerat, potuit praestare Latinis.
Non illos aurum, non vis, non copia ferri,
Ne castella quidem praeruptis ardua saxis,
Nec tantae validis munitae moenibus urbes
Quantas non ullus victorum ceperat ante,
Exitiis rapiunt dignis et principis irae;
Et qui spe fluxa frustrate cuncta tenebant
Nil satis esse sibi credentes tela movendo,
Cautibus angustis conclusi fata trahebant
Peioremque famem crudeli morte tulerunt,
Quae plus corrupit quam cetera funera victos,
Et mentes avidas orbis consumpsit egestas.
Principe pro iusto taceat quis fulminis ictus?
Nam quos non valuit robur corrumpere Martis
Nec tot ductorum circumdata moenia vallo,
Deiicit hos summi genitoris dextera flagrans
Iniustos contra praesenti numine pugnans.
O pietas praestans, toto memorabilis aevo,
Pro qua cum ventis sociantur proelia nimbis,
Ignibus et rabidis armantur fulgura bello
Percutiuntque sono concussa tonitrua montes.
Quid tempestates memorabo fluctibus ortas,
Atque hostis Lyciae proiectas litore classis,
Cum vice Romani functate sunt militis undae,
Sceptrifer et cepit pelago pugnante triumphum?
Omnia sic habuit virtus elementa saluti!
Quis repetat totiens acies stragesque peractas

Aequatasque solo sublime tegmine turres,
Agminibus domitis cum parte cadentibus omni
Flumina torrebant fluviis mutata cruoris
Et prope corporibus raptis sunt ostia clausa?
Tunc mare confuso rutilavit sanguine tinctum
Et saturi pisces tempsere cadavera plura.
Sic qui sperabant captivas ducere matres
Atque frui spoliis urbis sacrique palate
Et reges iterum (infandum!) se reddere nobis,
Lumine cum caeli terrae caruere cepulcris.
At reliqui petrias sedes urbesque relinquunt
Orbati natis, lugentes pignora cara:
Moenia subvertunt, quaecumque reliquerat ignis
Et victi aetherio poenas sensere Tonanti
Reddere se iustas contempto mille per annos
Ultoremque deum post clades esse fatentur
Atque sui casus se causam scire fuisse.
Sed tamen Augusti superat clementia cuncta,
Qui stratos relevat, domuit quos Marte superbo
Hostibus et pacis concedit munera pacis,
Gaudens nunc procures securos fidere vita
Imperiumque suum vivendi ponere fructum.
Insidias nemo diras metuitque vevenum
Linguae, quo multi ceciderunt crimine ficto.
Perdita res populi fuerat sub tempore diro,
Restituit tamen hanc domini prudentia mira,
Perficiens firmum quod cepit debile regnum.
Multa simul vario concurrunt ordine rerum
Diversosque trahunt angusto pectore sensus;
Ac veluti Delphis Phoebas cum numine plena
Omnia quae fuerant, quae sunt pariterque futura
Conspicit et cupiens prohibetur prodere luci,
Sic ego concipiens tua, princeps, plurima facta,
Quae tibi debentur diversis partibus orbis,
Non possum verbis animo proferre parata;
Quocirca laudum relego fastigia summa.
Nunc hominum generi laetissima saecula currunt
Quos inopes dudum faciebant iussa nefanda;

Quae propter multi sedes fugere parentum,
Haec pater et dominus terrae delevit in aevum
Argenti relevans atque auri pondere mundum,
Perpetuoque parans sibi maxima praemia caeli
Divitias temnit, quo prodest omnibus unus.
Namque cibum poterant qui vix adquirere vitae,
Oblato miseri thesauris munere flebant,
Munere cum gemitu tristi lacrimisque coacto;
Quippe dabat causas violentis lucra parandi
Et mala, quae plures pridem dixere camentes
Romano vestras uel Graio carmine laudes.
Et quo scerpta loco dederat tibi rector Olympi,
Quo caput ipse tuum primo diademate cinxit,
Hic sibi donari librorum vidit acervos
Censibus infestos, servantes scripta dolorum,
Munera suspicions flammis aeterna beatis,
Ad quas accessit placidus magis omnibus aris.
Acpexit vestros radiis sol aureus ignes,
Et placuere diem violantia lumina fumo,
Quae pura fulgens accendis mente serenus.
Ipse locus vobis ostendit iure tropaea,
Obtulit et vinctos oculis domitisque tyrannos
Ante pedes vestros mediis circensibus actos.
Aemilius quondam Paulus fortissimos ille
Sic regem Persem populo spectante latino
Curribus invectus Tarpeiam traxit ad arcem
Placavitque Iovem Capitolia templa tenentem;
Omnipotens sed te superum conspexit ab arce
Numina placantem caelestia templa tenentis.
Auspiciis gaude, princeps, felicibus aulae,
Cui dues omniparens renovandum credidit orbem
Iustitiamque iubet descendere rursus ab axe
Et faciles precibus populorum praebuit aures,
Quorum prostrates recreasti funditus urbes
Portibus et muris, undarum et tractibus altis.
Nunc tuto nautae repetunt clusa ostia veils,
Qui dubio quondam peiora pericula ponto
Iam patrias oras tolerabant nave tenentes,

Naufragium ratibus fessis statione minante
Disiectis claustris, quibus aequor frangitur altum;
Sed nunc vota deo servati pectore toto
Pro pietate tua, qua respicis omnia, fundunt.
Agricolas miserans dispendia saeva relaxas;
Curia perversis iam cessat moribus omnis,
Nec licet iniustis solito contemnere leges:
Nunc equites horrent rectorum iussa vehentes
Nec lucri causa commiscent sacra profanes.
Iudicis ipse sedens iusex caelestis imago
Per te respondes populis oracula sancta,
Proicis et nullos, nisi qui non iusta reposcunt.
Aurum non adhibes, moderantes ante solebant
Quod dare, ne liceat socios evertere furtis,
Exemploque doces quaestum contemnere turpem.
Tirones forti numeros nunc milite complent
Veraque non pretio, sed robore signa merentur.
Quid quod dispensas cerealia munera vitae,
Luxurie prohibens urbes cautusque futuri.
Nec sensum populis caeli paenuria praebet,
Si desint imbres, nec linquit copia victus,
Consiliisque tuis servamur saepe paternis.
Aegyptum septem sic servat Iosiphus annos
Ille, pudicitiae meruit qui sidera fama,
Cuius placavit sapientia numinis iras,
Memphitae regis solvens insomnia mira;
Horrea nam primus Nili construxerat oris
[Luxurie prohibens urbes cautusque futuri]
Atque famem potuit divina vincere cura.
Per te seditio penitus deletur ab urbe
Innocuos spolians sub terras sole retracto;
Nam cives mediis caedebant moenibus ense
Bacchantes stimulis vini plausuque frementes
Et spoliis pacis gaudentes nocte paratis;
Ipse vetas ludos, animarum damna, nefandos
Atque voluptates prohibes a sanguine sumi,
Corporis et causa pascendi perdere vitam,
Humanos arcens lacerari dentibus artus,

Dentibus, armatur rabies quibus atra ferarum;
Et superans omnes mentis novitate benignae,
Sufficis haud animo cupienti commoda cunctis
Largiri; quamvis numerum vincentia donas,
Ingenuos relevas occulte munera praestans;
Namque cupis superi te cerni lumine solo,
Corrupitque tuum non ulla superbia pectus
Affectusque bonos minime fortuna novavit;
Et quicumque prius, caperes quam sceptra rogatus,
Offendit propriae temeratus crimine culpae,
Felicis domini fruitur nunc tempore laeto
Praemia pro poenis speratis sumere mirans.
Omnia sed superat, princeps, praeconia vestra
Propositum, sapiens quo fidos eligis aulae
Custodes, per quos Romana potentia crescat,
Et quo, Roma vetus misit quoscumque, benigne
Sustentas omni penitus ratione fovendo,
Provehis et gradibus praeclaris laetus honorum
Ne damni patriae sensus fiantve Dolores;
Fortunam quare tibi debent atque salutem
Votaque suscipiunt pro te noctesque diesque.
Nec non eloquio decoratos, maxime princeps,
Quos doctrina potens et sudor musicus auget,
Quorum Romanas munit sapientia leges,
Adsumis socios iusto moderamine rerum;
Et solus doctis das praemia digna labore,
Muneribus ditans et pascens mente benigna.
Haec propter celsi dominator maximus axis
Infestos vestries avertit ab acribus hostes,
Quos furor iniustus violato foedere movit,
Euphratis vasti prope maxima flumina raptim
Ex improviso latronum more ruentes.
Sed dues in propriam cladem converterat illos,
Consiliisque tuis iustissima damna tulerunt.
Haec eadem cunctos, bello quicumque lacessunt
Imperii columen vestri pacemque, manebunt,
Ut sol oceano tollens mergensque iugales
Cernat Anastasii florere per omnia nomen:

Utraque Roma tibi iam spero pareat uni
Auxilio summi, qui conspicit omnia, patris,
Quem placas omnem stabilis pietate per orbem
Templa novans renovansque deo fulgentia semper
Lucraque vera putans aurum consumere iuste.
Experti nuper sumus ergo, sceptrifer, omnes,
Quanta tuum pectus servat praesentia regis
Caelestis, propria bonitate pericula pellens.
Nam cum mole sua supra te navis iniqua
Sese cum ventis ferret velisque nefandis
Atque salus dubiae penderet maxima vitae,
Vitae, qua leges Latiae, qua cuncta tenentur,
Ipse deus pelago praesens exhausit ab alto,
Quantus adest pro te ostendens discrimine magno,
Non aliter summum solitus monstrare favorem.
Sancta pios hominess testantur scripta per aevum,
In quibus historiae tales sunt mille bonorum,
Quorum sic virtus praefulserat omnibus annis,
Dextra quod eripuit divina e casibus illos,
Nec prius enituit pietas quam tecta salute,
Ex insperato dederat quam numen Olympi.
Hoc rex omnipotens in vobis ipse probavit,
Qui peperit mundum, qui lumine cuncta tuetur,
Quem recolens animo veneratis tempus in omne,
Pignoribus dignis decoratus sanguinis alti;
Nam quid commemorem Pauli mitissima corda,
Quem tibi coniungit munimen laudis honestas,
Non solum generis venerandi vincula sacra;
Nam mores sequitur mediocres pectore casto.
Ore canam quonam pietatis culmina tantae,
Qua fratris natos animo complecteris aequo,
Non patrui tantum, sed patris more colendo,
Indole quos nutris dignos et stirpe parentum?
Hypatii vestri referam fortissima facta,
Qui Scythicas gentes ripis depellit ab Histri,
Quem vidit validum Parthus sensitque timendum?
Quas laudes meritas Augustae dicere possim,
Auctor quae fuerat tantorum et causa bonorum,

Dump atrium munit tam firmo principe regnum
Permittitque viro mundum seseque tuendam?
Ex omni sensus invicta cupidine prava,
Cuius fama piae vulgatur in omnibus oris,
Plus fecit quam quod sexus concesserat illi,
Provida cum tantum Romano profuit orbi.
Numen, quod caelum, terram pontumque revisit,
Ausoniis servet regnis haec munera semper,
Barbariaeque ferae capiant iuga vera subactae,
Votaque firmentur popule sanctique senatus.

ПЕРЕВОД ПРОЗАИЧЕСКИЙ

Вступление

Чувства, которые величайшие поэты привыкли выражать в своих стихах, составленных в честь императоров – такие, когда они нечестиво следуют путем, противным природе, и молятся небу и звездам, которые неугодны тебе из-за твоего выдающегося благочестия. Зная это, я не скажу ничего кощунственного, ничего не соответствующего действительности. Поэт, который дарует божественные атрибуты смертным людям, осуждается, по мнению всех мудрецов. И если он возглашает что-то правдивое, ему не поверят, потому что он выбрал ложное начало для своей поэмы. Поэтому я прошу тебя с удовольствием послушать рассказ о твоих поступках. Я не смогу провозгласить их все, если мне не дана тысяча языков, и если у меня нет способности, как фонтан изливать новую песню. Но, в соответствии с моими силами и способностями, я избрал какую-то часть твоих достижений, чтобы привнести великолепие в мою песню. И замечательно, что в стихах, как правило, добавляют блеск к делам, а не извлекают его из дел. С Божьей помощью я сейчас беру на себя бремя похвалы, бремя освещения безмятежного лика, который всем очевиден, как и чувства, приоткрывающие тайны нашего самого кроткого Принцепса.

1-9

Прими римскую песнь с добрым сердцем. Прими то, что я привык воздавать Небесному Царю в обмен на дар жизни и прекрасный свет солнца. Ибо ты знаешь, о самый великий Принцепс, правый сердцем, что Бог, Которому ты следуешь, и чья власть настолько велика, чтобы усмирить песней, Бог, который даровал тебе власть, и кому единственно ты обязан всем счастьем, которое ты обрел как в войнах, так и в мире. Ведь с дерзостью я пришел (посмел) воздать тебе хвалы, которые описывают (воспевают) небеса, и которые облетают всю землю.

10-18

И не удивительно, что такой человек возник из могучего рода (материала, сырья) Помпея, которого Рим вознес на свою высочайшую вершину. Кто может счесть триумфы Помпея, так справедливо выигранные, которые Солнце видело, когда он ушел, и опять искал глубокое море, и из-за которого, на своем пути, он остановился, пораженный в середине Олимпа? Но все же, о Помпей, уступи знаменитому потомку. Из-за рода, который ты, завоеватель всего мира, оставил неукрощенным на высоких холмах Тавра, человек, который победил, совершенно вырвав семена войны.

19-37

Род, не так давно вставший на высокий гребень удачи, и веривший, что там не будет конца их фортуне, преследовавший домохозяев с жестокостью грабежей и насилия, и так воздвигший на Земле нечестивые памятники горя. В то время, когда они [исавры] считали, что все люди так должны страдать, ни самые суровые наказания, ни звание, ни возраст не могли защитить никого, потому что законы - надежная защита порядка, были повергнуты, и одна лишь сила держала власть в стране. Злые люди лишь тогда получали удовольствие в захвате плодов своих преступлений, когда суды правосудия принуждались присуждать только к чрезмерным наказаниям. Из-за законов, теряющих свою власть, сохраняется лишь пустое имя, и справедливость остается лишь тенью в мире.

Крайняя нищета, которая в царствование алчных царей обычно обеспечивает [им] защиту, не имеет сил быть кому-нибудь на пользу. Ибо люди вместе страдали от таких трудностей, которые они не могли терпеть в их нынешних обстоятельствах, и он был поражен тем, что ему грозили более серьезные потери, чем у богатого человека с огромными ресурсами и ценными металлами. Ибо если им не представлялось возможности для грабежа, они [исавры] связывали тела своих жертв цепями и избивали их жестко дубинками.

38-49

Наконец, Царь небесный освободил мир от этих страданий, когда Он сделал Анастасия нашим господином, хотя я могу

лучше сказать, нашим отецом, Анастасия, который силен своим благочестием, и в чьей жизни мы видим все добродетели. Он прост, мудр, целомудрен, храбр и благочестив; он милостив, тверд, умерен, наш родной и уважаем. Позвольте мне кратко выразить то, что я чувствую в глубине моей души. Анастасий обладает каждым качеством, вызывавшим восхищение у любого из древних: его благочестие превосходит Антония; его мудрость - Марка, а его самое милосердное сердце – язычника Нервы. Тит не так заслуживал похвалы [как он] по причине своей доброты. Слава доблестного Траяна уступает твоей.

50-66

Ибо кто в одной войне захватил так много тиранов, которых Исаврия породила от своих скалистых вершин, хотя судьба была против нее? В своей милосердной благости, наш господин приказал им отойти от стен города, и у него не было никакого желания причинить им вред вообще, хотя они должны были миру [выплатить] долг наказания. Но Отец [небесный], держа все в деснице Своей, взвесив вес правосудия на весах справедливости, не дал согласия злому племени жить безнаказанным. Безумие нашло на них, безумие подвигло их к мысли о нечестивой войне и подстрекало их в своей слепоте опустошить цитадель Рима, с тем, что они страдают за свое заслуженное наказание, что они погибают и оставляют свет. Ибо, когда они хотели вернуть еще раз более жестокие страдания, и когда они угрожали еще хуже опустошить Латинские области, торжествующая армия непокоренного Принцепса и его командиров, мощная в своей справедливости, а также в их мужестве, нанесла им смерть и разгром со всеобщей разрухой, вместе с предводителями восстания, как раз когда они шли под безбожными знаменами.

67-79

Так же, как лев, который правит, и является хозяином на возвышенности лесов по всем рощам Ливии, не поднимает оружия, не призывает свои силы, ударяя своим хвостом, если благородная ярость не разбудила его - все же, если некоторый шум или толпа окружающих людей провоцирует его, он яростно ре-

вет, открывает широкие челюсти, и закатывает, сгорая от кроваво-красного пламени, свои глаза. Он врезается в середину (гущу) массы слабых людей и оружия; никакая сила не может выдержать его гнев. Его нападение разрывает некоторых на куски; других он поражает и бьет когтями. Некоторые лежат мертвыми, растерзанные его ожесточенными зубами; страх обездвиживает других, и они погибают, хотя и без ран. Таким же образом император своей мощью ударил по его диким врагам, несмотря на их ярость, для неописуемых подвигов, и поверг их непрерывным рядом различных катастроф.

80-86

Теперь Греция молчит, Греция, которая могла похвастаться мне Беллерофонтом, который завоевал Солимы (Иерусалим) так, что они в очередной раз пошли на войну. С другой стороны, раз и навсегда наш господин с триумфальной армией захватил этих людей для того, чтобы, в дальнейшем, они никогда не могли быть в состоянии бунтовать. Даже Сервилий, один из самых выдающихся командиров, которому, как заслуженную награду, было даровано имя Исаврик за его кампанию, не смог совершить этот подвиг для римлян.

87-97

Ни золото, ни сила, ни поставки оружия, ни действительные оплоты высоко на крутых скалах, ни такие великие города, укрепленные сильными стенами, которые прежде завоеватели никогда не брали, не сохранят их от справедливого разрушения и гнева Принцепса. И те, кто, обманутые непостоянной надеждой, сделали все от них зависящее, и не насытились, когда они вели войну, влачили жизнь заключенных среди ограничивающих их скал: они страдали от голода, и их судьба была хуже, чем жестокость смерти. После того, как они были завоеваны, голод убил их, а не любой другой вид смерти, и [они] хотели употреблять людей, жадные до всего мира.

98-111

Кто мог удержаться от упоминания стрел, которые разили, чтобы защитить нашего принцепса? Огненная рука верхов-

ного Отца, представляющая Его власть, и борьбу с несправедливостью, поражала тех людей, над которыми ни мощь Марса не была властна, чтобы уничтожить, ни стены, осажденные со всех сторон вала огромным числом командиров. Как памятны достойные благочестия, чтобы их вспоминали во все времена! В поддержку этого благочестия ветры и штормовые тучи выступают как союзники в их сражениях; вспышки молний вооружены к войне разящим огнем и гремящий гром с треском поражает горы. Почему я, малый [мира сего], упоминаю бури, возникшие в море, и разбившие вражеский флот на берегу Лидии? Тогда волны взяли на себя задачу римских солдат, и скипетр знаменосца восторжествовал, потому что море боролось за него. Так, мужество привлекло всё для спасения.

112-118

Кто мог вспомнить так часто происходившие бои и резни, башни с их высокими защитными (сооружениями), сровненные с землей, когда реки, изменившись от потоков крови, стали горячими, и их устья чуть не забились трупами, прибитыми (течением) вниз, потому что побежденные войска пали повсеместно? Потом море сверкало красным, окрашенное кровью, которая смешавшись с его водой, так насытило рыбу, что она (уже) отвергала такое множество тел.

119-129

Таким образом, те, кто надеялся привести домой пленных матрон и наслаждаться добычей из города и священного дворца и - о невыразимая мысль - вернуться к нам снова, как цари были лишены не только света неба, но и захоронения в земле. Оставшиеся в живых, лишенные своих детей и траурных дорогих обещаний любви, (были вынуждены) отказаться от города своих предков и своих домов. Они разрушали все стены, которые огонь пощадил, и в поражении они поняли, что они страдают справедливо, неся наказание за презрение небесного Бога грома в течение тысячи лет. После их поражения, они признают, что Бог сеет месть, и что они знают, что они стали причиной своей собственной гибели.

130-139

Но еще милость императора простирается над всем. Он поднимает завоеванных, чью гордость он покорил в войне, и награждает врагов мира дарами мира. Он радуется, что теперь обеспечил знатным уверенность, что они будут жить, и что его правление сделает их жизнь процветающей. Никто сегодня не боится грозного предательства и ядовитых языков, которые вызвали много смертей по ложным обвинениям. Более того, наш Господь в чудной Своей мудрости восстановил благосостояние народа, которое были разрушено во время невзгод, и он твердо восстановил империю, ослабленную, когда он сменил (предшественника) на посту правителя.

140-148

В запутанном порядке мыслей толпы многое (звучит) вместе одновременно, на мой взгляд, и они оттягивают все виды чувств от сердца, справляясь со своей задачей. Так же, как когда в Дельфах жрица Аполлона, полная божественного вдохновения, видит все вещи, которые есть, и которые должны быть, и, несмотря на ее желание, предотвращается их выход на свет, так и я, принцепс, хотя и постоянно (нахожусь) в курсе бесчисленных дел, за которые ты несешь ответственность в различных частях мира, не могу составить словами, что созрело в моем уме; поэтому я вспоминаю только самые высокие пики твоих славных достижений.

149-161

Теперь наступает самый процветающий век для рода человеческого. После того, как нечестивые указы (привели к) обнищанию людей и заставили многих бежать из домов своих предков, эти законы отец и повелитель земли уничтожил навсегда, и освободил мир от бремени серебра и золота. Подготовив себе навечно высшие награды, которые дарует небо, он презрел богатство и, из-за этого, один человек приносит пользу всем людям. Те, кто был едва в состоянии получить еду, необходимую для жизни, вынужден был плакать в своей убогости, после того как сдал налоги казначейству, дань, которая была собрана в сопровождении их скорбных стонов и слез. Конечно, эта ситуа-

ция давала возможность насильственных действий людям, замышлявшим как добро, так и зло, которые упоминали ранее многие поэты, воспевавшие тебе хвалы в латинских или греческих песнях.

162-171

И в том месте, где правитель Олимпа дал тебе твой скипетр, и где Он Сам первым короновал (твою) главу диадемой, здесь Он увидел посвященные Себе груды списков о разорениях, письменные записи горя. Он предал эти вечные подарки благословенному пламени, к которому Он подошел более снисходительно, чем любой алтарь. Солнце, с его золотыми лучами, осмотрело твое пламя и свет, которые нарушили день с приятным ему дымом, свет, который ты, спокойный и сияющий посредством твоего чистого разума, разжег.

171-179

Это место очень по праву отображает трофеи, (принесенные) тебе, и предлагает посмотреть в оковах побежденных тиранов, которые были сбиты с ног в середине циркового представления. Ранее таким же образом, как наблюдал латинский народ, Эмилий Павел, самый смелый из мужей, верхом своей на колеснице вытащил царя персов к Тарпейской скале и успокоил Юпитера, Господа храмов Капитолийских. Но все это всемогущий Бог увидел и от тебя в цитадели небес, как ты успокоил божественное величие Того, Кто правит небесными храмами.

180-192

Радуйся приметам, благоприятным для двора, о принцепс. Бог - создатель всего - доверил тебе восстановление мира. Он повелевает справедливости спуститься снова с неба, и Он настроил свой слух, чтобы услышать молитвы народов. Ты восстановил основания их разрушенных городов, построил гавани, стены и высокие акведуки. Теперь парусам снова безопасно в закрытых гаванях. Когда некогда они держали курс к родным берегам, они страдали хуже, чем от опасности, которую они испытали на предательских водах открытого моря, и их якоря (находились) под угрозой кораблекрушение из-за их утомлен-

ных вёсел. Барьеры, которыми море было оковано, были разорваны на куски. Но теперь, за своё спасение, они изливают молитвы к Богу всем сердцем, благодаря Его за благочестие, которое заставляет тебя заботиться обо всех вещах.

193-205

Потому что тебе жаль крестьян, ты облегчил их тяжелые расходы. На каждые курии (возложено) воздерживаться от злых и неправедных дел, не разрешается презирать законы по своему обыкновению. Теперь всадники, которые несут приказы, боятся чиновников, не ради прибыли они сочетают в себе священное и мирское.

Ты сам, отражение небесного судьи, судишь, и ты своими собственными устами даешь святые слова для людей. Ты не уклонялся ни от кого, кроме тех, кто просил за то, что было не просто. Тебе не нужно использовать золото, которое правившие до тебя привыкли давать, чтобы предотвратить интриги и заговоры твоих коллег. По твоему примеру ты учишь людей презирать неприятные насилия. Новобранцы теперь наполняют армию в одном ряду с сильными солдатами, и их храбрость, а не взяточничество, являют их истинные знамена.

206-217

Что еще я могу сказать? Ты распределяешь поставки зерна, дар жизни, и, заботясь о будущем, ты проверяешь расточительность городов. Если когда-нибудь дожди принесут наводнения, люди не почувствуют себя в бедности из-за неба, поставки продовольствия не провалятся, а мы много раз будем в целости и сохранности от твоей отцовской мудрости. Так и Иосиф сохранил Египет в течение семи лет. Это тот, кто заслуживает вечную славу, потому что в славе своего целомудрия, в своей мудрости, он интерпретировал странные сны царя Мемфиса, и так успокоил божественный гнев. Для Иосифа первым делом было построить житницы на берегу Нила, и он был в состоянии преодолеть голод с помощью своего божественно вдохновленного провидения.

218-227

Благодаря твоей власти, гражданская рознь, которая влечет за собой невинные жертвы, когда солнце садится под землю, в настоящее время полностью устранены из городов. Для пределах городских стен, под воздействием вина, бунтовщики, хлопая в ладоши и радуясь трофеям мира, который они получили на ночь, использовали его, чтобы поставить своих сограждан к мечу. Ты также запретил злые игры, что влекло осуждение душ. Ты предотвратил кровопролитие как источник удовольствия, и тем самым, спас людей от потери своих жизней, чтобы прокормить свое тело, и человеческие конечности от раздирания зубов, которые вооружали смертельную ярость диких зверей.

228-238

Ты превзошел всех своей невиданной щедростью духа, и смог предоставить льготы всем, потому что ты лишен алчности. Хотя ты даешь бесчисленные подарки, восстанавливая (в правах) свободнорожденных, даровав свои подарки тайно; для себя же ты хочешь лишь быть увиденным глазами Бога; ни гордости не сохранило твое сердце, ни счастье вообще не изменило своего благожелательного расположения. Тот, кто обидел тебя, прежде чем ты мог бы его назвать, чтобы взять скипетр, и был опозорен обвинительным приговором, в настоящее время пользуется процветанием твоего благоприятного правления, и ошарашен, что он получает награды вместо ожидаемых наказаний.

239-253

Но, о принцепс, твой мудрый план выбрать лояльных стражей императорского двора, чтобы увеличить через них власть Рима, и щедрую поддержку тех, кто прислал из старого Рима, отдавая их во всех мыслимых отношениях, превосходит все твои похвальные поступки. Ты с удовольствием продвигаешь их по служебной лестнице (вплоть до) выдающихся назначений, так что они не могут чувствовать боль в связи с гибелью своей родины. Поэтому они обязаны тебе своим процветанием и безопасностью, и они возносят молитвы о тебе день и ночь.

Могучий принцепс, ты также можешь выбирать своих коллег в правительстве, что отличаются своим красноречием, которые украшены силой обучения и сотворения поэзии, те, чья

мудрость защищает римские законы. Ты один за дары для ученых людей заслуживаешь награды за свои труды, наделяя их подарками и поддерживая их с щедрым сердцем.

254-260

По этим причинам всемогущий властелин высоких небес уклонил от твоих твердынь опасных врагов, которые бурлили несправедливой яростью, так как это было у них (в обычае), кто нарушал договоры, и кто внезапно и жестоко разразился бандитизмом возле могучих потоков обширного Евфрата. Но Бог отвел их к собственной своей погибели, и из-за своих планов они понесли потери, которые они заслужили.

261-269

Та же участь будет ждать всех, кто угрожает войной возвышению и миру твоего правления так, чтобы солнце, когда оно поднимается из океана вместе со своей свитой и возвращает их там, да видят имя Анастасия процветающим во всех местах. Оба Рима, я надеюсь, теперь могут слушаться тебя наедине с помощью всемогущего Отца, который видит все вещи, и кого ты с неизменным пиететом задабриваешь во всем мире, всегда строя и восстанавливая сверкающие храмы Богу, и используешь золото лишь в целях настоящего усиления (государства).

270-279

Таким образом, о император, не так давно мы все испытали, каким мощным является наличие Небесного Царя, который сохраняет жизнь и устраняет опасности Своей добротой. Ибо, когда ветры и коварные паруса, трепещущие над твоим кораблем, шатаются над ним из-за его объема, и безопасность твоей драгоценной жизни висела на волоске, - жизни, с помощью которой латинские законы поддерживают всё, Сам Бог присутствовал и вырвал тебя из глубины, доказывая в момент опасности, как Он проявляет Себя в Своем могуществе, ради тебя. Ни в каких других обстоятельствах он не привык (прямо) показывать Свою высшую милость.

280-289

Священные писания свидетельствуют о благочестивых людях для вечности. В них бесчисленное множество историй, так как это связано с хорошими людьми, чьи добродетели воссияли всем векам, потому что рука Божья хранила их от опасности. Также их благочестие воссияло, пока они не были защищены безопасностью, которую неожиданно дал им Бог Олимпа. Таким образом, всемогущий царь показал Свою милость тебе, Тот, Кто сотворил мир, который защищает все Своим светом, которому ты всегда поклоняешься, отражая Его в своем сердце, потому что ты был удостоен родственников, достойных твоей благородной крови.

290-300

Что я могу сказать о самом милосердном сердце Павла? Его честность, оплот его репутации, а не просто священные узы почтенного родства, объединяют его с тобой. Он преследует скромные привычки с чистотой сердца. С чьим голосом я должен праздновать венец твоего великого благочестия, щедрого духа, с которым ты обнимаешь сыновей твоего брата, лелея их не только как дядя, но и как отец? Ты стоишь в их тылу как у детей, достойных превосходных качеств и благородного происхождения их родителей. Должен ли я упомянуть о наиболее бесстрашных делах твоего Ипатия, кто согнал скифские племена с берегов Истра? Парфянин увидел, что он силен, и знает, что он сделал, чтобы его боялись.

301-312

(Ради) какой заслуженной похвалы я мог говорить об Августе, которая была автором и причиной таких великих и добрых дел, в то время как она защищала империю своих предков с помощью такого мощного принцепса, и поручает своему человеку опеку над миром, и самой собой? От каждого важного желания ее сердце было защищено, и судьба ее благочестия распространяется за пределами каждого берега. Она добилась более, чем ее пол позволял ей сделать, когда ее предвидение так (принесло) большую пользу римскому миру. Пусть Бог, который видит небо, и землю, и море, всегда сохраняет эти дары для римских областей, и сможет победить диких варваров, и по-

настоящему подвести их под ярмо, и сможет удовлетворить молитвы людей и священного сената.

ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКИЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Чувства, что сонмы поэтов обычно в стихах выражают,
В тех, что привычно звучат в честь императоров, где
Молятся небу и звездам они, как говорится,
Следуя ложным путем, нечестиво противным природе,
Будут тебе неугодны, благочестье твоё ведь известно.
Я не скажу никакого кощунства, ничто кроме правды.
Тот, кто божественный дар пожалует смертным лишь людям,
Будет тотчас осужден, по мнению всех мудрецов.
И если он возгласит дальше правду, ему не поверят,
Так как захвачено ложью само уж начало поэмы.
И потому я молю, чтоб ты с радостью внял о себе же.
Я не смогу здесь назвать даже доли великих деяний,
Если мне не дана будет тысяча разом наречий,
Также источник таланта, чтоб новую песню излить.
Но ту часть твоих дел, что смогу в самом деле осилить,
Я изберу, привнеся в мою песню весь блеск.
И замечательно, что в стихах, как правило, люди
Блеск добавляют к делам, а не прочь же из дел извлекают.
С Божьей помощью я возьму на себя ныне бремя
Восхвалений и въявь освещения ясного лика,
Всем очевидного здесь, как и чувств, тех, что тайны
Самого кроткого принцепса нам слегка приоткроют.

1-9. Главы, призванные снискать милость

Римскую песнь да прими и пошли свою милость.
То ты прими, что Царю Неба обычно дарю,
В плату за свою жизнь и прекрасный свет солнца.
Ибо лишь Бог ощущает довольство от песни;
Ты ему следуешь, принцепс, душой справедливою, прямо,
Кто даровал тебе власть, и кому ты всецело обязан
Счастием, что ты обрел, как в войнах, так равно и в мире.

С дерзостью смею тебе провозгласить похвалы,
Что небеса окаймят, окружив всю Вселенную разом.

10-17. Анастасий – потомок Помпея

И ведь не дивно, что он сотворен из могучего рода
Помпея, что Рим превознес к самым высотам вершин.
Кто может счесть у него бесконечных побед все триумфы,
Те, что увидел Титан, вглубь уходящий во мрак,
Замерший, всё же, в пути, пораженный им в сердце Олимпа?
Но, превосходный Помпей, уступи всё же славу потомку:
Ты, победив целый мир, лишь единственный род во всем свете
Неукрощенным оставил на холмах высокого Тавра.

18-20. Анастасий, словно Помпей Старший, укрощает исавров

Ныне же ты победил, семя войны истребивший,
Род, что недавно восстал, гребень удач оседлав,
Веривший, что до конца с ними фортуна навек.

21-37. Исавров, особенно императора Зенона, преступления

И так воздвиглись везде нечестивые памятки горя,
Гнавшие домохозяев, с жестокостью грабя насильем,
Так как они[129] полагали, что всем подобает страдать.
Ни беспощадные кары, ни звание, ни возраст никак не спасали,
Ибо законы - надежная мера порядка, утратили силу,

[129] Исавры.

Только лишь сила одна держала господство в стране.
Злобные люди тогда ликовали, вкушая плоды преступлений,
А правосудье принуждено было жестоко карать невиновных.
Сами законы, терявшие власть, сохранили лишь имя,
и справедливость осталась лишь тенью в растоптанном мире.
Крайняя бедность бессильна кому-то помочь, быть полезной,
Также правление алчных царей благосклонно к бандитам,
И весь народ угнетен нестерпимой бедою сегодня,
и еще более отягощен под угрозой потери остатков,
что не пугает владельца богатств, драгоценных металлов.
Если ж разбойники грабить уже не могли, всех ограбив,
То они[130] цепью связав своих жертв, добивали дубинкой.

38-45. Доблести Анастасия

И вот, наконец, Царь небесный спас мир от безумных страданий,
сделав царем Анастасия, словно дав людям отца,
он ведь силен и известен своим благочестьем повсюду,
и в его жизни мы зрим всех добродетелей свет.
Прост он и мудр, целомудрен, и храбр, благочестен;
милостив, тверд, и умерен, и мягок с людьми.
Кратко позвольте сказать, что я чувствую сердцем при этом.
Все его доблести ныне равны добродетелям древних:

46-49. Анастасий – собирательный (образ) лучших римских императоров

[130] Исавры.

Он превзошел благочестьем Антония, мудростью - Марка,
а милосерднейшим сердцем язычника Нерву возмог.
Тит не заслуживал почестей за доброту, как наш август.
Слава Траяна могучего также уступит ему.

50-54. Анастасий отбрасывает исавров от города

Ибо кто же еще одной битвой сразил сразу многих тиранов,
Тех, что Исаврия нам изливала с вершин без конца?
В благости наш господин милосердно сказал им убраться,
Город оставить, ведь зла он не хотел причинять,
Даже если врагов следовало покарать.

55-62. Исавры заканчивают мятеж

Но Отец наш небесный держал все событья в деснице,
И на закона весах взвесил по правде дела,
Не дал согласия злодеям уйти невозбранно без кары.
Пало безумье на них, и подвигло к войне нечестивой,
и подстрекало в своей слепоте рушить Рима оплот,
чтоб в итоге снести наказание, погибнуть и сгинуть.
И когда захотелось вернуть им страданья жестокие снова,
угрожая дотла уничтожить в безумье латинские страны;

63-79. Анастасием [вражеские] силы побеждены

Принцепс несломленный с войском во славе и все командиры,
Мощные в правде своей, справедливости, мужестве, силе,
Смерть принесли и разгром им с небес со всеобщей разрухой,
Вместе с вождями восстания, несшими знамя безбожно.
Так же, как лев, царь зверей, и хозяин над всеми лесами,
Рощами Ливии, гнев не пробудит, оружье вздымая,

И ударяя хвостом, пробудив благородную ярость –
Все ж, если шум ли какой, иль толпа окруживших задразнит,
Яростно он заревет, поднимая широкую челюсть,
И вдруг закатит глаза, пламеневшие гневом кровавым.
Врежется в гущу толпы слабой массы людей и оружья;
Нет сил на свете таких, что могли бы спасти их от гнева.
Кто-то, упав, был разорван, другие убиты когтями,
Прочие мертво лежат, от зубов, растерзавших их, смолкли;
Страх обездвижил иных, и они погибают без боя.
Так же и царь своей мощью ударил по варварам диким,
Ярость сломив всех врагов, в ратном подвиге свергнув их в прах.

80-86. Анастасий – собирательный [образ] Беллерофонта и Публия Сервилия Исаврика

Греция смолкла теперь, не поет уже Беллерофонта,
Что покорил Солимы[131], вновь напавших, войною сгубил.
Это ведь раз навсегда господин наш теперь всепобедный
Этих людей захватил, чтоб затем не смогли бунтовать.
Даже Сервилий, один из великих отцов-командиров,
Что, как награду, Исаврика чин получил за победу,
Подвиг такой не сумел совершить бы сегодня для римлян.

87-106. Описание разгрома исавров

Золото, сила и мощь, и поставки оружия – тщетны,
также оплоты высоко на скалах стоящих крутых,
равно великие грады, скрепленные ладно стенами,
ранее прежде которых захватчик отроду не брал,
не сохранят их от Принцепса гнева и правого краха.

---

[131] Иерусалим.

Тот, кто надеждой прельщен был обманной, все сделал как надо,
но не насытился кровью, в пору сражений своих,
ныне влачил свою жизнь словно пленники заперты в скалах:
голод их страшно томил, и судьба хуже смерти жестокой.
После того, как они были схвачены, голод убил их,
а не иной смерти род людоедов вселенских постиг.
Кто умолчал бы о стрелах, что принцепса вкруг защитили?
Так тех людей, над которыми Марсова мощь не подвластна,
чтобы смести окруженные стены всем сонмом вождей,
огненной дланью Отца, Его властью все пали народы,
Бог сам боролся врагов супротив этих всех здесь и зла.
Памятны коль же достойные славы великой вовеки!
Ветры и тучи штормов помогли благочестью в сражениях;
молнии вспышки сверкают в войне здесь разящим огнем,
Грома раскаты сражаются такоже в горных вершинах.

107-111. Флот исавров на берегах Ликии разбит бурей

Как же, ничтожный, поведаю вам я о бурях на море,
Что поразили весь вражеский флот на лидийском прибрежье?
Волны тогда на себя взяли функции римского войска,
и скиптр знаменосец воздел, ибо море боролось с врагами.
Так, наша доблесть стихии собрала для общей победы.

112-129. Разгром исавров продолжается

Кто же сегодня припомнит столь часто кипевшие схватки,
башни с высокими зубьями, что уж сравнялись с землей,
и побежденное войско, что пало любой своей частью,

реки, когда переполнились бурною кровью ручьев,
стали горячими, устья забили тела их теченьем?
Далее море окрасилось красным от крови, которая
Рыбу насытила так, что отверглось обилие пищи.
Так что, желавшие в плен захватить много женщин для дома,
и наслаждаться добычей из града, дворцов или храмов,
- это не выразить словом – поверглись во прах, их цари
света лишились небес, и в земле погребения тоже.
Те, кто в живых, без детей и любимых в печали остался,
город оставил своих предков и милых домов.
Стены разрушены все, что огонь пощадил беспощадный,
Стал тот разгром наказаньем за Бога небесна презренье,
Честная кара за все, в протяжение тысячи лет.
После разгрома признают они гнев Господень законным,
помня, что сами они вызвали гибель свою.

130-132. Анастасий проявляет милосердие к побежденным

Принцепса милость, однако, простерлась теперь надо всеми.
Он побежденных смирив, снова поднимет их вверх,
бывших врагов наградив мира дарами сполна.

133-139. Похвала Анастасию за изгнание из города доносчиков

Рад он, что знатных уверил в спокойствии, жизни и мире,
и что правленье его сделает их жизнь сильней.
Ныне никто не боится предательства близких внезапно
и языков, что сражали до смерти по ложным наветам.
Благо народа, что было подорвано временем лиха,
Бог наш Господь ныне мудростью чудной Своею вернул,
и укрепил государство, ослабшее с прошлым правленьем.

140-148. Поэт из самых выдающихся деяний Анастасия выбирает лучшее, в полной мере оставшееся [в истории]

В путанном строе идей многое вместе смешалось
Все виды чувств исторгает из сердца согласно задаче
Как Аполлонова в Дельфах боговдохновенная жрица
Видит всю сущность вещей, которые есть, и что будут
Также и я, о правитель, бесчисленность дел узнавая
В мира различных частях, о которых ты нынче в ответе,
Слову не в силах придать все, что в уме созревает
Вспомню лишь славы великой твоей наивысшие пики.

149-161. Налог хрисаргир отменен Анастасием

Роду людскому эпоха расцвета теперь наступает,
После того как указ нечестивый, людей в бедняков превращавший,
Многих бежать из домов своих предков заставив,
Он уничтожил навеки, отец, повелитель земельного круга,
Миру свободу даруя от бремени серебра-злата,
Премию высшую неба себе навека приготовив.
Пользу, богаства презрев, в одиночку всем людям приносит,
Тем, что едва прокормиться могли от остатка,
Плача в убогости нищей, отдав все долги казначейству,
Дань, что тогда собирали под слезы и скорбные стоны,
Что развязала к насилия действиям руки,
Хоть замышлялось добро, хоть и зло, как сказали поэты,
Славу тебе воспевая в латинских и греческих песнях.

162-170. Таблички с налоговыми списками сожжены в Цирке

Там, где правитель Олимпа тебе даровал этот скипетр
В месте, где первым твою Он главу увенчал диадемой
Здесь он увидел во имя Свое груды списков
О разореньях, свидетельства в записи горя,
Вечные знаки налога предал в благочестное пламя,
К этому Он снисходил милосердней любых алтарей.
Солнце смотрело на пламень и свет золотыми лучами,
Свет, нарушавший дневной своим благостным дымом,
Что ты разжег своим разумом светлым и тихим.

171-179. Вожди исавров, захваченные живыми, проведены в триумфальной процессии по всему Цирку

Место вот это по праву для всех представляет трофеи,
Вид предлагая оков побежденных тиранов,
Ниц опровергнутых здесь в цирковом представленьи,
Равно как Павел Эмилий, мужей всех храбрейшей когда-то
В древности кто наблюдал весь латинский народ,
На колеснице к Тарпейской скале протащил царя персов
И успокоил Юпитера гнев, Капитолия храмов владыки.
Это и нынче Господь всемогущий увидел в небес цитадели
И от тебя, кто величье Правителя храмов небесных покоит.

180-183. Справедливость при Анастасии возвращается с небес

Радуйся нынче приметам, двору благосклонным, о принцепс, тебе ведь
Бог - Создатель всего – доверял обновление мира
Повелевает с небес Справедливости снова на землю спуститься
И уж настроил свой слух, чтоб услышать молитвы народов.

184-192. Города, стены и порт восстанавливаются Анастасием

Всех городов милованья разрушенных ты перестроил
Гавани, стены возвел и высокие водопроводы.
В гаванях снова теперь пребывать парусам безопасно
Некогда хуже страдавшим, когда к берегам направлялись
Чем от опасности бурной открытого моря -
От якорей кораблям с утомленными веслами больше угрозы,
Так как барьеры сковавшие море, разорваны в клочья.
Нынче, спасению рады, они изливают молитвы всем сердцем
Господа благодаря за твое благочестье с заботой.

193-197. Реформируются курии

Жалости полон к крестьянам, ты облегчил им расходы,
Курии каждой велел от неправедных дел воздержаться,
Не разрешив презирать, как обычно творилось, законы.
С властью чиновников всадники нынче боятся,
Не из корысти мирское в себе сочетая с священным.

198-205. Анастасий магистратов, ранее продажных, прощает (благодать дарует), и солдат избранных учреждает

Судишь ты сам, как Небес Судии отраженье,
Лично устами святые слова для людей источая,
Всех принимая, лишь сложностью тяжб затрудненный.
И не используешь злато, привычное прежде,
Чтобы интриги и кражи коллег прекратились,
Личный пример подаешь, неприятность насилья отвергнув.

В войске с сильнейшим теперь состоит новобранец, рекрутов
Храбрость, не взятка, является знаменем войска.

206-217. Устраивает зернохранилища, как Иосиф в Египте

Что мне добавить еще? Как зерна, дара жизни, поставки
Распределил, расточительность всех городов проверяя,
Сделав, что бедность людей не зависит от неба явлений:
Хоть наводненье дожди принесут - продовольствие будет,
Мы же в сохранности целы твоей прозорливостью мудрой.
Так и Иосиф Египет хранил семилетье когда-то,
Кто бесконечную славу стяжал целомудрием славным,
Мудростью странных постигнув секрет сновидений
Владыки Мемфиса, божественный гнев успокоив.
По берегам реки Нил возведя сперва хлебные склады, -
[Роскошь убрав из градов, и впредь будь осторожней], -
Голод сумел превозмочь божественным духом провидца.

218-227. Подавляет конфликты и отменяет сражения людей с животными в цирке

Властью твой вся гражданская рознь в городах прекратилась,
Та, что влечет за собою невинные жертвы, лишь солнце уходит под землю -
Бунтовщики под воздействием вин в стенах города громко
Хлопали, радуясь мира трофеям, подаренным на ночь,
Ими они подстрекали сограждан к убийствам и бунтам.
Ты запретил и жестокие игры на душ осужденье,
Кровопролитье лишив удовольствия свойства,
Тех же спася, кто губил свою жизнь для питания тела,
Плоть же людскую спася от терзанья зубами,

Коими ярость смертельная диких зверей подкреплялась.

228-238. Скрытые благодеяния и милости Анастасия

Ты превзошел всех своею невиданной щедростью духа,
Льготы другим предоставив - ведь алчности чуждый,
Свободнорожденным ты в изобилье даров все права возвращаешь
Даришь подарки же тайно, себе оставляя заботу
Лишь бы увиденным быть Вседержителя-Бога глазами;
Гордости нет в твоем сердце,
и счастье твоей доброты не сгубило;
Тот, кто тебя обижал до того, как на троне воссел ты,
Прежде не в силах назвать, обвинением злым обесчещен,
Нынче плоды пожинает твоего в процветании царства,
Ошеломленно награду беря взамен наказанья.

239-247. В стражи двора выбирает мудрых мужей, предпочитая италийцев

Но императорский двор предоставить лояльнейшей страже, о принцепс,
Через нее увеличив могущество нового Рима,
Щедро осыпав наградой прибывших из старой столицы,
Дав их поддержку во всех отношениях мысли, -
Этот твой план превосходит все прежде деянья.
С радостью ты продвигаешь по службе прибывших из Рима,
Так что и боль за отечества гибель они забывают,
Вновь обретя процветание и безопасность на родине новой,
И о тебе же молитвы возносят и денно и нощно.

248-253. Ученых премией награждает

Также в правленье в коллеги себе выбираешь, о принцепс могучий,
Тех, кто отличен своим красноречьем, а также украшен
Силою образованья и сладкой поэзии даром,
Тех ведь, чья мудрость защитником станет римских законов.
Лучшей награды достойны труды твои, принцепс, к ученейшим людям,
Ведь наделяешь подарками их с щедрым сердцем, заботясь поддержкой.

254-260. Восставших арабов-скенитов оттесняет к Евфрату

Вследствие этих причин же Всевышний небесный Владыка
И от твоих крепостей уклоняет угрозу враждебного войска,
Яростью несправдливой бурлившего часто жестоко, -
Так ведь в обычье у них нарушать договоры коварно,
Чтоб разразиться бандитским набегом близ мощных потоков Евфрата.
Но наш Господь отвратил их от нас для погибели личной,
Так что потери они, заслужив, понесли из-за собственных планов.

261-269. Поэты воспевают Славу Анастасия

Эта же участь постигнет всех тех, кто войной угрожает
Царствованья твоего возвышенью и миру правленья,
Так, чтобы солнце восход в океане со свитой начавши,
Равно в закате, везде Анастасия видело славное имя.
Оба же Рима теперь твоей, принцепс, пусть будут покорны,
Единой власти, при помощи же Всемогущего Бога,
Кто наблюдает все вещи, Кого беспрестанно везде прославляешь,

Строя и вновь возрождая в сверканьи святейшие храмы,
Злато используя в целях всегда государственной мощи.

270-288. Анастасий от морских опасностей, Божьей волей, благочестиво избавлен

Так, василевс, мы недавно и все испытали,
Что значит сила поддержки Правителя Неба,
Кто сохраняет и жизнь, и опасность отводит своей добротою,
Ибо когда паруса затрещали коварно от ветров,
Силу напора и мощь корабля твоего не сдержавши,
Жизнь оказалась твоя под угрозой огромной,
Та, что латинским законам господствовать всем приказала,
Сам Вседержитель тебя из пучин извлекая спасает,
Всем доказав, что в опасности ради тебя проявляется Чудо,
Так как в других обстоятельствах Он не являл свою высшую милость открыто.
В книгах Священных Писаний свидетельств для вечности много:
Благочестивых людей, прославляющих жизнь всевозможных историй,
Чьи добродетели на все века для людей просияли, -
Как рука Божья хранила их всех от опасности лютой -
Ведь благочестье свое и в опасности также являли,
За что внезапно от Бога Олимпа поддержку имели.
Также и милость к тебе показал наш Господь-Вседержитель.
Тот, кто и мира Творец, и Защитник божественным светом,
И ведь Кому поклоняешься, Образ храня в своем сердце.

289. Семья Анастасия

Родичей ты удостоен, достойных твоей благороднейшей крови

290-293. Похвала Павлу, брату Анастасия

Как мне воспеть милосердное сердце же Павла?
Честность, оплот репутации Павла - это основа
Объединенья с тобой, а не просто священные родичей узы,
Скромность имеет в привычке, ведя свою жизнь с чистым сердцем.

294-297. Благочестие Анастасия по отношению к сыновьям братьев

Голосом чьим мне воспеть твоего благочестья вершину,
Щедрого духа, с каким сыновей обнимаешь ты брата?
Подлинно их ты лелеешь с отцовской заботой, в тылу находясь их,
Будто детей, что достойны родителя честью.

298-300. Прославление Ипатия, племянника Анастасия по сестре

Стоит ли мне промолчать о бесстрашных деяньях,
Славы достойных Ипатия, скифов прогнавшего с Истра?
Видит парфянин всю силу его, опасаясь же мудро.

301-308. Похвала императрице Ариадне

Ради какой похвалы я могу говорить об Августе,
Кто стал причиной твоих же великих свершений?
Кто защитил своих предков империю, принцепс могучий, тобою,

И поручил и себя, и опеку над миром тебе же?
Слава судьбы ее благочестивой на каждом известна
Береге, ведь достигала превыше могущества женского пола, -
Пользу большую даруя решеньем своим всему римскому миру.

309-312. Поэтический обет

Пусть же Господь, наблюдающий небо, и землю, и море,
Вечно хранит этот дар для римского мира,
Чтоб победить, под ярмо подведя толпы варваров диких,
Удовлетворяя молитвы людей и святого сената.

КОММЕНТАРИЙ К ВВЕДЕНИЮ

В IV-VI вв. общей практикой введения в гексаметрические поэмы было отдельное предисловие в другом, контрастирующем размере. Обычно язык всего сочинения определялся размером (метром) введения: латинские авторы предпочитали элегический дистих, греческие авторы – ямбические размеры. О развитии ямбических введений см.: *Cameron, Alan*. Pap. Ant. III 115 and the iambic prologue in late Greek Poetry // Classical Quarterly. 20. 1970. P. 119-129; *Viljamaa T.* Studies in Greek Encomiastic Poetry of the Early Byzantine Period. Helsinki, 1968. P. 71-97.

Присциан, чье введение объемом в 22 строки оттеняется от остального текста поэмы использованием ямбического триметра, нетипичен в своем выборе размеров. Его нетипичная адаптация ямбического метра объясняется влиянием современных греческих поэтов из Константинополя.

Также использование ямбического метра влияет на менее формальный, более разговорный тон Введения. Это соответствует относительно небольшому размеру и неприукрашенному стилю панегирика в целом.

Вступление состоит из трех разделов. В первых десяти строках автор сравнивает себя с величайшими поэтами (summi poetae), которые написали в честь императоров. В отличие от этих поэтов, Присциан избежит приписывания божественности императору. Он скажет только правду, чтобы не оскорбить благочестия Анастасия. Строки 11-18 содержат призыв к императору охотно выслушать рассказ о его достижениях и тщательно протестовать против неспособности поэта отдать им должное. Деяния Анастасия настолько многочисленны, что не могут быть включены все, и настолько велики, что они прославят стихи Присциана. Последние 4 строки служат переходом к основной части панегирика, как это рекомендовано в риторических руководствах (Menander Rhetor 369.15). С помощью Бога поэт раскроет тайны (arcana) милосердного принцепса.

Большая часть содержания Вступления является стандартной. Присциан имел давнюю традицию как теории, так и практики, чтобы руководить им, и некоторые темы стали обычным явлением во вступлениях к энкомиастическим произведениям: утверждение правдивости, самоуничижение мастерства писателя, утверждение величия предмета, которое компенсирует за неспособность поэта. О других темах, которые могут быть включены в предисловие, см.: *Viljamaa*. Studies. P. 73-83; *Curtius E.R.* European Literature and the Latin Middle Ages. New

York, 1953. P. 85-89; *Janson J.* Latin Prose Prefaces. Stockholm, 1964. P. 116-158.

Присциан объединяет эти отдельные условные темы в поэтическом манифесте, который не только объявляет тему своего стихотворения, но и указывает, как он, как поэт, будет относиться к этому предмету. В первых 10 строках Присциан заявляет, что не будет следовать практике более ранних поэтов. Он объявит императора богом и потребует божественных качеств для смертного. Таким образом, к обычному объявлению, что он скажет правду, Присциан добавляет, что он не скажет ничего богохульного (*nihil nefandum*).

В латинской литературе формула приписывания божественности императору начинается с вергилиевских «Георгик». В начале книги I, после посвящения Меценату, Вергилий сначала призывает ряд сельскохозяйственных божеств, а затем в заключение обращается к Августу, которого он называет будущим божеством: *Tuque adeo quem mox quae sint habitura deorum/concilia incertum est* (G. I, 24-25).

Далее Вергилий говорит, что, как бог, Август будет править в зависимости от того, что ему угодно - небесной земле или морю (G. I, 25-39). Заклинание заканчивается просьбой о том, чтобы Август помог Вергилию в его задании и научился удерживать молитвы своих подданных (G. I, 42). Темы, которые Вергилий представил, призыв императора как бога, пророчество о его апофеозе, описание его будущих сфер и просьба о помощи имитируются с соответствующей разработкой и изменением более поздними поэтами (см., например, Lucan I, 44-47; Statius Theb. I, 27-31).

Соглашение об обращении к правителю как к богу практически исчезает из стихотворной панегирики, восхваляющей христианских императоров, хотя Клавдиан и Сидоний в своих предисловиях проводят сравнения между субъектами своих стихов и языческими богами. Стилихон - новый Аполлон, уничтожающий второго Пифона (Claud. In Ruf. I praef.) и, подобно Марсу, ему советуют отдохнуть от войны, чтобы послушать песню Муз (Claud. In Ruf. II praef. 13-20).

Похвала в честь Антемия похожа на радость от вступления Юпитера на трон (Sidon. Pan. Anth. Praef.). Панегирики Клавдиана и Сидония написаны с использованием мотивов из эпоса, населенных божественными фигурами и украшенными мифологическими аллюзиями. Использование мифологических сравнений заключается в том, что их предисловия соответствуют их предпочтительному стилю. Присциан ясно заявляет, что он не будет провозглашать божественность императора. Он выходит за пределы своих предшественников, вообще не имея мифологических аллюзий в своем предисловии и

только одно во всем панегирике (см. ст. 80-81). Присциан даже не ссылается непосредственно на муз, традиционное вдохновение поэтов (см. ст. 14, 19). Скорее он предпочитает восхвалять императора с помощью Бога (*de favente*).

Во введении к своей поэме Присциан комментирует поэтические условности стиха-панегирика. Он начинает предисловие с подчеркнутых *summi poetae*, а затем включает в себя две общие темы: источник вдохновения и тысячу языков, которые имеют долгую историю в греческой и латинской поэзии (см. ст. 13). Таким образом Присциан признает свой долг перед традицией. Тем не менее, первые строки подчеркивают его неприятие согласия с имперской божественностью, не включая мифологических аллюзий, написав предисловие в метре, не использовавшемся его предшественниками в латинском стихотворном панегирике, и сказав нам, что называть императора божественным оскорбляет благочестие Анастасия.

Таким образом, предисловие предполагает христианский тон панегирика в целом. Написанная в христианском контексте, поэма представляет Анастасия как образ небесного царя, правителя, который процветает во всем, что он дергает, потому что его благочестие заслуживает божественной защиты.

Осознавая, что по стилю и образу его панегирик значительно отличается от его предшественников, Присциан считает необходимым использовать его предисловие, чтобы сообщить об этих изменениях своей аудитории.

Об использовании предисловий древними авторами для объяснения проблем, связанных с их работой или их обработкой предметов, см.: *Kennedy G.A*. Greek Rhetoric Under Christian Emperors. Princeton, New Jersey, 1983. P. 26.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Болгов К.Н. Итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2012. С. 82-83.

Болгов К.Н. Латинский сегмент культуры Ранней Византии. Автореф. дисс. … к.и.н. 07.00.03. Белгород, 2013.

Болгов К.Н. Присциан и итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в. // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2012. С. 132-133.

Болгов Н.Н. «Панегирик императору Анастасию» Присциана // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. IV: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Н.П. Кондакова (1844–1925). К., 2014. С. 270–293.

Присциан. Панегирик Анастасию / прозаический перевод Н.Н. Болгова // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 279-286.

Третьякова Н.Е. К истории первых лет византийской власти в Африке // Вестник СНО БелГУ. Вып. XVII. Белгород: БелГУ, 2013. С. 96-100.

Brooks S.W. The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius // The Cambridge Medieval History / Ed. H.M. Gwatkin, J.R. Whitney. Cambridge, 1924.

Cameron A. The Date of Priscian's De Laude Anastasii // Greek, Roman and Byzantine Studies. 15. 1974. P. 313-316.

Cameron A. The Death of Vitalian (520 A.D.) // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 48. 1982. S. 93-94.

Cameron A. Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egipt // Historia. 14. 1965. P. 491-497.

Capicci C. L'Imperatore Anastasio I (491-518) // Orientalia Analecta. 184. Rome, 1969. P. 100-137.

Capizzi C. L'imperatore Anastasio I (491-518). Rome, 1969.

Courcelle P. Late Latin Writers and their Greek Sources. Cambr. Mass., 1969.

Courtois, Charles. Césarée de Maurétanie // Dictionnaire d'Histoire et de Geographie ecclesiastiques, vol. XII. Paris, 1953. Coll. 203-206.

Coyne P. Priscian's De laude Anastasii imperatoris. McMaster Univ., 1988.

Croke, Brian. Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey // Greek, Roman and Byzantine studies. 48. 2008. P. 447-466.

Dagron G. Aux origins de la civilization byzantine: langue de culture et langue d'etat // Revue historique. 241. 1969. P. 23-56.

Davis M.T. Priscian and the West // Byzantine Studies Conference. Chicago, 1982.

Drathschmidt R. De Prisciani grammatici Caesariensis carminibus. Breslau, 1907.

Duckworth C.E. Variety and Repetition in Vergil's Hexameters // Transactions of the American Philological Association. 95. 1964. P. 9-65.

Dwornik F. Pope Gelasius and the Emperor Anastasius I // Byzantinische Zeitschrift. 44. 1951. P. 111-116.

Ficarra R. Motivi et orientamenti cristiani nel De laude Anastasii di Prisciano // In Studii in onore di Anthos Ardizzioni. Rome, 1978. P. 357-371.

Gluck M. Priscians Partitiones und ihre Stellung in der spatantiken Schule. Hildesheim, 1967.

Grammatici latini / ed. Heinrich Keil. V. 2. Prisciani Institvtionvm grammaticarvm libri I-XII ex recensione Martini Hertzii Lipsiae, 1855; v. 3. Prisciani Institvtionvm grammaticarvm libri XIII-XVIII ex recensione Martini Hertzii. Prisciani opera minora ex recensione Henrici Keilii. Lipsiae, 1859.

Hahn L. Zum Schprachenkampf in romishen Reich bis auf die Zeit Justinians // Philologus. 10. 1907. S. 675-718.

Helm R. Priscianus // RE. XXII,2. 1954. Col. 2328.

Hemmerdinger B. Les lettres latines a Constantinople jusqu a Justinien // Byzantinische Forschungen. 1. 1966. P. 173-179.

Kaster R.A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.

Luhtala, Anneli. Grammar and philosophy in late Antiquity: a study of Priscian's sources. L., 2005.

Luscher A. De Prisciani studiis Graecis. Breslau, 1912.

MacCormack S. Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire // Revue des etudes augustiniennes. 32. 1976. P. 21-77.

Momigliano A. Gli Anicii e la storiografia latina del VI secolo D.C. // Secondo contributo alla storia degli studi classici. Rome, 1960.

Previale L. Teoria e prassi del panegirico bizantino // Emerita. 17. 1949.

Priscien: Transmission et réfondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes (état des recherches à la suite du colloque international de Lyon, ENS Lettres et Sciences Humanines, 10-14 octobre 2006) / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, edd. Turnhout: Brepols, 2009. XIX, 770 p.

Robins R.H. Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe. London, 1951.

Robins R.H. The Byzantine Grammarians. Their Place in History. Berlin – New York, 1993.

Russell D.A. De Imitatio // Creative Imitation and Latin Literature / Eds. T. West, T. Woodman. Cambridge, 1979. P. 1-16.

Salamon M. Priscianus und sein Schulerkreis in Konstantinopel // Philologus. 123. 1979. S. 96-106.

Schmidhhauser A.U. Le De pronomine de Priscien et son modèle grec // Priscien: Transmission et réfondation de la grammaire de l'antiquité aux modernes / M. Baratin, B. Colombat, L. Holtz, edd. Turnhout: Brepols, 2009. P. 168–182.

Shauvot A. Observations sur la date de l’eloge d’Anastase de Priscien de Cesaree // Latomus. 36. 1977. P. 539-550.

Shcanz M., Hosius C., Krueger G. Geschichte der romischen Literatur. Vol. IV, 2. Munich, 1920.

Whitbread L.G. A note on Priscian the Grammarian // Latomus. 36. 1977. P. 811-812.

Содержание

МИР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ.
Документы и материалы

Вып. 12:
Присциан Грамматик и его наследие.
Панегирик императору Анастасию

Учебное издание

Сдано в набор: 31.10.2019.
Подписано в печать: 06.11.2019.
Тираж: 120.
Набор и редакция: Н.Н. Болгов.

Над изданием работали:
Николай Николаевич Болгов
Марина Михайловна Синица